

Л. Фуксия

НЕБО НА ДВОИХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Раммельсберги

ЛенаФуксия

Небо на двоих

«ЛитРес: Самиздат»

2019

ЛенаФуксия

Небо на двоих / ЛенаФуксия — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Раммельсберги)

Нам кажется, что мы принимаем решения и от этого зависит выбор наших жизненных путей. Но это только кажется... На самом деле жизненные обстоятельства, подчас случайные и нелепые, подталкивают на жизненный путь и определяют судьбу на годы вперед. Случайный ночной звонок подруги, с просьбой выручить и обещанием хорошей оплаты за работу переводчика, ветреное желание вскружить голову молоденькому парнишке и внезапно охватившая гордость. Лена помогла, выручила, подзаработала, вскружила голову... И оказалась истинной парой Великого дракона из семьи Раммельсбергов. Эта книга открывает серию про Раммельсбергов (Раммельсберги#1). Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	15
5	23
6	33
7	40
8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

1

– У меня к тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться, – бодро сказала мне в ухо Маринка, разбудив среди ночи.

– Да, ну-у? – я влила в голос скепсиса по максимуму, моя интуиция говорила, что от меня чего-то хотят, но пока облакают в заманчивую обложку. Любит Мариша заходы издалека.

– Ну, да! – Марина добавила в голос оптимизма. – Приглашаю тебя на халяву посетить концерт одной известной немецкой группы.

– Неужели к нам приезжает Rammstein? – я зевнула, проявляя вялую заинтересованность.

– Нет, лучше – JungeDrachen¹! – не фраза, а фонтан радости.

– JungeDrachen? Кто это?

– Ой, не делай вид, что не знаешь! Они же сейчас мегазвезды в Европе и, особенно, в Германии, – Марина напела какой-то мотивчик, который в её исполнении я вообще не узнала. – Теперь вот до матушки России добрались! Два концерта в России! Всего один концерт в Питере! Я тебя приглашаю сходить на один совершенно бесплатно!

– Почему только на один? – блин, дурацкий вопрос, ну спросила, так спросила. Где-то за много километров от меня Марина зависла на паузе, но быстро нашлась. – Просто один уже был сегодня – в Москве!

– То есть, я так понимаю, ты опять меня хочешь припахать иловишь на интерес? Когда хоть этот концерт?

– Завтра.

Я посмотрела на часы, которые показывали 00:56.

– То есть уже сегодня? – уточнила я.

– То есть уже сегодня, – подтвердила Марина.

– Спасибо, я откажусь, – мне показалось, что я сказала решительно.

– Лен! Ну, Ле-ен, – заканючила Марина. – Признаюсь, хотела поймать на интерес, но раз ты не хочешь на интерес, готова на денежку.

– Сколько?

– 500 евро.

– За полтора дня? Со сколько до сколько?

– Ну, я не планировала для тебя жестких рамок. Думала, ты просто продублируешь основного переводчика, – мялась Марина, а потом как выдохнула. – Прилетают они днем в два, в 19:00 концерт. Между этим поесть и в душ. Уверена, что основной переводчик справится со встречей и размещением в гостинице. А у сцены, после концерта, и потом завтра во время пресс-конференции, всё же нужен второй переводчик. Так что твоя занятость с 18:00 и до конца конференции.

– 2000, – решительно сказала я. – Знаю я эти ваши пресс-конференции, до утра будут куролесить. И свидание с Мишей сорвется, – добавила для подчеркивания тяжести ситуации – я, мол, из-за её немцев с любимым не встречу.

– Договорились! – Марина подозрительно легко согласилась, нужно было заламывать 3000.

– Я оставлю в «Ледовом» на служебном входе пропуск. Появляйся до восемнадцати, как появишься – наберешь, иначе потом потеряемся, а мне нужно тебя представить коллективу. А Миша твой вялый какой-то, сколько ты с ним встречаешься, а небось ни разу не перепихнулись! Зато немцы, м-м-м, – больше двухсот кг чистого тестостерона, – Марина томно вздохнула. – И это только группа, а у них же ещё обслуживающий персонал! С ними рядом посто-

¹ Молодые драконы (нем.)

ишь, и будешь чувствовать себя, как будто всю ночь кувыркалась. И не с Мишей! – Маринка захохотала.

– Договорились, – сказала я, стараясь соскочить с разговора. – До завтра! – отключилась.

Марина часто подбрасывала мне непильную работёнку в качестве переводчика.

Контора, в которой трудилась моя бывшая соседка, занималась проведением гастролей по России разных иностранных звезд. Я как переводчик с немецкого, английского, французского языков интересовала их на постоянной основе, но у меня уже есть стабильная работа. Да и, согласись, я работать переводчиком на постоянной основе, на меня бы обязательно навалили кучу дополнительных опций, забывая за них доплатить. А так, я изображала из себя палочку-выручалочку, а меня уговаривали, мне вовремя перечисляли деньги, иначе могу не прийти на помощь в другой раз.

Хотя на самом деле палочкой выручалочкой для меня стали они. Вот сейчас меня эти две тысячи евро очень даже выручат – нужно делать очередной взнос за квартиру.

Так вышло, что к двадцати одному году я стала хозяйкой квартиры-мансарды с видом на Фонтанку. Квартира досталась в наследство от бабушки, но доля в ней в виде тринадцатиметровой комнаты принадлежала дяде, который согласился мне её уступить по цене двухкомнатной квартиры возле метро в спальном районе. Пришлось влипнуть в ипотеку на двадцать лет. Страшно подумать, к тому времени, когда я рассчитаюсь с ней, мне будет сорок!

Конечно, родители мне помогали, но все же заёмщиком была я, поэтому старалась самостоятельно расплачиваться с кредитом.

Маринка часто подтрунивала над моим приятелем Мишей. Собственно, он был единственным парнем, которого я представила Марине. Наверное, мне было его не жалко.

Наши отношения с Михаилом застыли на точке вялых поцелуев еще на первом курсе филфака. Я их не развивала, потому что Михаил меня не интересовал как мужчина. Он и, правда, был какой-то вялый, как замороженный. Даже пальцы и губы были холодные.

Причину продолжения нашего «романа» с его стороны я понять не могла. Если хотя бы признался, что меня любит или, что я ему нравлюсь. Нет, ничего такого он не говорил. Просто звонил и сообщал: «Завтра встретимся». Я отвечала: «Хорошо». И мы встречались у метро. Он провожал меня до дома. Через год таких встреч, стал провожать до квартиры. Иногда я перезванивала ему и говорила, что завтра не смогу, тогда он отвечал: «Хорошо». Оживлялся он только тогда, когда мы с ним говорили по-французски. Читал мне стихи Рембо и Верлена. Наверное, это нас и сблизило. А, возможно, он держал меня для практики французского. Мы с ним несколько раз целовались, но в эти моменты он, видимо, начисто забывал чувственных французских поэтов и представлял себя айсбергом.

А еще мы приглашали друг друга на вечеринки, на которых обязательно нужно было быть с парой, иначе поженят или выдадут замуж. Так, он был познакомлен с Маришкой.

Да уж, странноватые отношения. Теперь мне уже кажется, что у нас с ним сложился хороший такой тендем «практикуясь во французском – защитимся от брака».

На самом деле, кроме Миши у меня были и другие парни: любовь со сносом крыши, страсть с выносом мозга (разные люди, чтобы было понятно), но о них я Маринке не рассказывала.

2

Марина подняла меня с кровати, поэтому после нашего разговора я собиралась спать, но всё же решила взглянуть одним глазком на тех, кому завтра буду переводить.

Залезла во всемирную сеть. Набрала название группы. И понеслось.

Коллектив оказался тинейджерской группой, состоявшей из двух братьев-близнецов – Зильбера и Купфера Раммельсбергов (причем имена при транслитерации безбожно перевернулись, я даже не сразу поняла, что один Серебро, а второй Медь), и их одноклассников Матиса и Гюнтера.

Мальчиковый ансамбль песни и пляски на немецком & английском (кстати, с сильным акцентом, но это хорошо автотюнилось и акцент придавал своеобразный шарм песням). Я саркастично ухмыльнулась, ведь точно более двухсот кг чистого тестостерона, если принимать вес каждого за пятьдесят кг, а если по семьдесят, то – ого-го!

Так, а они красавчики. Особенно гитарист. М-м-м, дреды, тесные джинсы. А взгляд... Ух! Глаза его так много, о многом говорят, вспомнила я песенку из какого-то водевиля.

Что там Маринка говорила про переводы до ночи. Может попереводить ему до утра...

Поисковик выдал бесконечную череду фотографий. Залипла.

Фронтмен у них, кстати, так себе. Нечто среднеполое. Длинные черные волосы, залаченные до состояния иголок дикобраза, чем парень был сильно похож на героя японского аниме Ёжика-Соника. Подведенные черным глаза, сильный мейкап, всякие металлические дрюлечки-иголочки на одежде и колечки: в ушах, на пальцах, в уголке правой брови. Эмо или гот, не различаю я этих течений.

М-да... Смазливый, чёрт! Но не в моем вкусе.

Мне нравятся плохие парни, как их гитарист. Он так дерзко взирает на мир из-под длинных, загнутых ресниц. Кажется, что в его глазах отражаются все эмоции. Вот он взирает на тебя с ошеломляющим желанием, а вот вызывающе, как мачо из американских фильмов.

Поразительная харизма! Десять минут просмотра фотографий, а у меня ощущение, что я его давно знаю. И мало того – я хочу его. Хм-м... А это идея! В каждом интервью Купфер хвастается своими сексуальными подвигами, скорее всего, это для поддержания имиджа. Тогда в жизни он застенчив и робок с девушками. Что ж для семнадцатилетнего подростка это нормально. А для реализации моей идеи это даже великолепно! Уверена, что легко соблазню его. Заодно проверю, насколько хорошо я освоила уроки соблазнения, полученные у крышесного секси с пятого курса.

Я насилу отлипла от компа. Чего только не лезет в голову, наверняка последствие полугодового воздержания. Полгода назад я запретила себе думать о страстном секси с третьего курса, с тех пор ввела вынужденный целибат. Но для такого «дракончика» я готова прервать свое воздержание. Складывающаяся ситуация особенно заводит: они у нас на одну ночь. Парень видать не промах. Одна ночь и разлетимся кто куда, оставив приятные воспоминания.

С мыслью о гитаристе я уснула.

3

Утром я тщательно подобрала одежду. Стильно, изящно и никаких намеков на эмо или готов. Буду работать на контрасте с их имиджем и видом поклонниц.

Легкая блузочка с декольте. Джинсовая юбка-шорты, коротковато и романтично – как раз то, что надо, чтобы завладеть вниманием юного сексапила. К этому в комплект чулочки сеточкой и мозг мальчика, как минимум следующие 24 часа, будет занят решением проблемы, как меня трахнуть. Еще раз оглядела себя в зеркало. Выгляжу достаточно сексуально, но в то же время не вызывающе. Вполне сойдёт за деловой стиль. Особенно если учесть, что сейчас на Питер снизошло жаркое лето и надеть что-то более закрытое равноценно маринованию себя в собственном соку.

Добавила к этому прическу-ракушку, заодно открыла для всеобщего обозрения татушку с моим знаком зодиака на шее сзади, но локоны спиральки по бокам лица выпустила, подпустив в образ легкомысленности.

И самое тяжелое орудие – летние туфли от Christian Louboutin со стразиками на пяточке и каблукке – в них нога длиннее, а рост выше. Всё-таки мальчики высокие, поэтому изображать опытную секси-вумен, если росточком на уровне их пупка, будет трудно.

Я, конечно, девушка не мелкая – 165 см, но всё равно по сравнению с их средним 190 см, буду смотреться ребенком.

До 18:00 еще весь день впереди. Весь рабочий день, который предстояло провести в офисе, так что лабутены были взяты с собой в Smart, а ноги поместила в удобные спортивные тапочки.

Чтобы не опоздать в Ледовый и не отпрашиваться с работы, в 15:00 взялась отвезти выполненный перевод заказчику, который жил как раз в районе метро Ладожская. Поэтому, собрав все пробки, я умудрилась приехать к Ледовому дворцу за 40 минут до назначенного Мариной срока.

Припарковалась недалеко от служебного входа, решив, что вряд ли кто-нибудь еще будет парковаться рядом. Открыла дверцу Smarta, высунула ноги и не торопясь стала переобуваться. Именно в этот момент, чуть не задев дверцу моей машины, мимо проехал минивэн. Я физически ощутила взгляды, ошупавшие меня сквозь тонировку стёкол.

Минивэн остановился перед служебным входом, и из него вышла толпа людей, среди которых я узнала Ёжика-Соника и своего мачо. Пассажиры минивэна дружно направились к входу. Я, сообразив, что можно сразу влиться в коллектив, поспешила за ними.

На проходной возникла мешкотня и толкотня. Я решила подождать в сторонке, пока немецкие гости пройдут внутрь, но шустрый глаз Марины выхватил меня. Она закричала и замахала рукой, подзывая меня к себе:

– Лена, иди сюда! Как хорошо, что ты вовремя! – Маринка схватила меня за руку и потянула за собой, буквально пронося сквозь группу немецких товарищей и бросая вахтеру: – Это наш переводчик Волгина, я пропуск оставляла, – и уже мне, стараясь перекричать гвалт на немецком языке: – Нас давно так не кидали! Прислали переводчицу, которая видимо была подругой Штирлица.

– Что не делится информацией?

– Нет такая же старая и, по-моему, она половины не понимает из их сленга, – Марине, как обычно не было дела до исторических персонажей, но иногда я понимала её образы. – Надо было полностью тебя брать на два дня, но видишь переезды Москва – Питер – ты бы не согласилась.

Мы стояли в сторонке, дожидаясь, пока вся группа, включая охранников, костюмеров, гримеров, продюсеров и прочих, назначение которых я не знала, подойдет к Марине, ну и ко мне, раз я стояла рядом.

– Знакомьтесь, это Лена Волгина – переводчик. Она поможет вам общаться с русскими и сделает все возможное, чтобы во время вашего пребывания в Санкт-Петербурге у вас не возникало языковых барьеров! – на хорошем английском объявила Марина.

– Отлично, – сказал какой-то невысокий мужчина с острым взглядом, очевидно продюсер. – Рад с Вами познакомиться. Но где фрау Петрова? – спросил он у Марины.

– Мы решили сохранить её здоровье до пресс-конференции, а на концерте вам будет помогать Лена.

Марина быстро перечислила состав группы, по порядку как стояли:

– Матис, Гюнтер, Зильбе, Купфе.

Матиас и Гюнтер приветливо улыбнулись дежурными улыбочками. Купфе окинул меня оценивающим взглядом. Зильбе взглянул на меня с раздражённо-надменным выражением лица и отстранённо кивнул, странно приносиваясь.

Мужчина с острым взглядом оказался герром Остом, действительно продюсером группы. Марина представила мне двух охранников герра Тобиаса и герра Болена.

– Вообще-то охранников больше, но эти два – боссы, один директор, другой его помощник. Я не вдавалась в подробности, но их задача защищать коллектив от фанаток, – пояснила мне на ухо Марина. Остальных членов группы сопровождения она мне не представила, видимо, я с ними работать не буду, а может очень торопилась, потому что её внимание уже было занято другим. – Все за мной, я покажу гримёрки! – крикнула Марина и повела всех в глубины Ледового дворца.

Размещение в гримёрках моих знаний не потребовало. Привыкшая к постоянным переездам команда, хорошо ориентировалась в закулисном пространстве и легко находила общий язык с местным обслуживающим персоналом. Но я все-таки воспользовалась моментом и проводила Купфе в его гримёрку, открыла дверь и подиумным шагом прошла вперед, покачивая бедрами.

– О, уютная комнатка, – сказала я, неспешно поворачиваясь и ловя его взгляд, в котором светилась оценка моей походки. – Здесь даже диванчик есть, – я провела языком по верхней губе.

Он презрительно окинул взглядом старый и продавленный диван.

– Ты таким не брезгуешь?

В это время гримёрку наполнили люди с чемоданчиками, чемоданами и еще какой-то утварью. А я направилась к выходу и, чуть прикинув к нему, прошептала на ухо:

– Главное не брезговать партнёром, – одарила полуулыбкой и всё тем же подиумным шагом ушла в коридор.

На репетиции сначала ребята настраивали инструменты, периодически поругиваясь с обслуживающим персоналом, для этого им мои услуги были совершенно не нужны. Потом Зиль устроил истерику из-за плохо настроенного микрофона. Его голос в динамиках, действительно, то дребезжал, то делался неестественно высоким. Он метался по сцене, пробовал звук, ему не нравилось звучание, он чертыхался, запевал песню, ему снова не нравилось. Звукорежиссер подстраивался, виновато улыбался, протирал платком лысину, но Зиль все больше распалялся.

Продюсер и Марина что-то обсуждали, не привлекая меня для перевода, очевидно, Маринкиного английского вполне хватало. Короче, все при деле, только я от скуки не знала, куда себя применить.

Вдруг Зиль что-то рывкнул в микрофон, все внимание переключилось на него. Тобиас извинился и скрылся в полумраке зала. Куп подошел к брату. Герр Ост вскочил и направился к звукорежиссеру.

– Что-то случилось? – спросила я у Марины.

– Звук...

– Ну что они за два часа ему звук не выстроят?

– Какие два часа? Скоро народ запустят. А еще разогрев, не забывай, опять все собьют.

– Да ладно! Это же немецкая машина индустрии развлечений, – попыталась я подбодрить подругу.

– Причем тут это? – фыркнула она и унеслась куда-то.

Что это с ней? Так фыркнула, как будто я виновата, что звук не настраивается. Ну и фиг с вами, главное гонорар завтра отдайте. Отправилась в буфет для персонала и в одиночестве выпила большую чашку кофе. Решила подзарядиться кофеином, понимая, что с такой шептунной командой я попаду домой поздно.

До концерта оставались считанные минуты. Сцену уже оккупировала команда разогревщиков.

Мальчишки опять были заняты сами собой. В основном все сидели по гримёркам, и я даже подглядела, как Зильбе мастера в четыре руки укладывают, вернее сказать поднимают дыбом, волосы и рисуют мейкап на лице. Купфе, к моему большому удивлению, мастера укладывали дреды. Надо же, это гнездо глухаря под бейсболкой, оказывается, было не спонтанным желанием 17-летнего подростка, а результатом работы седоватой тётки, которая какие-то прядки подваливала (от слова валять шерсть, превращать её в войлок), какие-то прядки подлачивала, и на всё это водружала бейсболку.

Движимая любопытством, я заглянула к оставшимся участникам группы. Второму гитаристу Матису – волосы распрямляли и покрывали лаком. К этому я была уже морально готова.

Наверно, барабанщику Гюнтеру ничего делать не должны. Стрижка у него короткая, внешность неброская, да и за барабанами его не видно. Как же я ошибалась! В момент, когда я заглянула в примерку к Гюнтеру с вопросом: «Марину не видели?», ему делали маникюр.

Я закрыла дверь и перевела дух, почувствовав себя со своими волосами ракушкой и практически прямыми «локонами вдоль лица» школьницей на свадьбе старшей сестры.

Выпитые за день напитки запросились наружу. Пришлось направиться на поиски нужного помещения.

Заветная дверь с буквицами «WC» и силуэтом в юбке отыскалась в каком-то тесном закутке напротив двери с силуэтом без юбки. Быстро удовлетворив свои потребности, и тщательно вымыв руки холодной водой, я уже взялась за ручку хлипкой двери, когда услышала приближающиеся голоса. Непроизвольно я чуть приоткрыла дверь и прислушалась.

Голоса я узнала сразу: один принадлежал Купфе, а второй Матису. Парни что-то оживленно обсуждали.

– Согласись, она что надо! – восторженно вещал Купфе. – И глазки мне строит!

– Дурак, она просто флиртует.

Они вошли в дверь напротив и не удосужились её закрыть, из-за чего дверь дамской комнаты оказалась подпёртой, а я лишилась возможности выйти. С трудом просунула руку в щель и попыталась оттолкнуть неожиданный упор. Хорошо, что я приоткрыла дверь, прислушиваясь, иначе бы вообще была заперта. Кто придумал так ставить двери?! Современная архитектура, блин! Рука хоть и пролезла в узкую щель, но дверь мужского туалета мне оттолкнуть не удавалось. Купфе между тем продолжал громко вещать:

– Да брось ты, она точно меня хочет. Я же вижу по её поведению! Точно-точно! Взгляни на ее губы. Она постоянно их облизывает. Это верный признак, что хочет меня поцеловать. «Ого! Мальчик кем-то сильно увлёкся», – улыбнулась я и, наконец, дотянулась до двери муж-

ского туалета, слегка толкнула её. Дверь поддалась и медленно стала закрываться, освобождая мне путь.

– Ну ты и сказанул! Жарко поэтому губы сохнут. Я тоже облизываюсь. Куп, я хочу тебя поцеловать! – заржал Матис. За дверью послышалась возня и гогот Купа.

– Да ну тебя! – снова возня и смех. – Скажи еще, что она просто так передо мной попкой вертит? Да это призыв: «Вставь мне, детка!»

– Раммель, она секси, соглашусь! Но из-за недоебита ты неправильно воспринимаешь реальность! Подумаешь, девушка попкой повилыла! Это еще ничего не значит.

– Нет же! Вот увидишь, я её трахну! Сегодня же! – Куп сорвался на крик.

– Да ладно, обломаешься! – подначил Матис.

– Спорим?

Матис засмеялся.

Шум воды, затем включилась сушилка для рук, и мне стало плохо слышно. К счастью, дверь в мужской туалет достаточно прикрылась и я смогла выйти в тесный закоулок, твердо намериваясь быстренько уйти, чтобы дальше не слушать их подростковые мечты. Но вдруг через шум сушилки и скрип двери до меня донеслось:

– Лена не даст! Скорее пошлет подальше!

Ого! Это они про меня? Вот это я удачно зашла... Только их беседа уже не забавляла. Спорщики малолетние! Я физически ощутила себя окаченной ведром холодной и грязной воды. Мутные струйки стекали по лицу, а от злости застучало в висках. Я резко и бесшумно распахнула дверь, с твердым намерением дать в морду. Ребята стояли почти у выхода. Куп ко мне спиной, а вот Матис...

– Ещё как даст! Спорим?

В этот момент Матис меня увидел и остолбенел, не иначе как от моей сексуальности.

– Куп... – промычал, предупреждая друга.

Но Куп уже занимался со мной сексом во всех позах и на предупреждения не прореагировал.

– Вот увидишь! В подтверждение я оставлю у нее на шее засос. Как метку! Как дасмаль! Легенду помнишь? – стервец радостно заржал. – Давай поспорим на желание!

Я замешкалась, выбирая способ мести: вцепиться в дреды или с разбега толкнуть об стену. Матис с пониманием смотрел на меня. Ситуация явно идиотская.

– О боже! А какие у неё сиськи! Они так торчат! Интересно они натуральные? – при этом он мечтательно прикрыл глаза, задрал голову и сделал пальцами сжимающие и разжимающие движения.

Мне стало смешно. Как можно сердиться на такого малолетнего идиота? Чтобы не рассмеяться, я прикрыла рот ладошкой и медленно попятилась за дверь. Умоляюще посмотрела на Матиса и приложила палец к губам. Он, не сдерживаясь, рассмеялся и уверенно заявил:

– У нее сиськи натуральные. Но теперь я на сто процентов уверен, что ты её не трахнешь. И спорить не о чем. Потому что ты, Раммель, сегодня на редкость невезучий. Пошли, а то Зиль нас уже потерял и начнёт истерить. – Матис обхватил друга за плечи и, стараясь держать его ко мне спиной, повел из туалета.

Я быстро шмыгнула назад за дверь.

– Не успеет потерять! – фыркнул мечтатель, но быстро направился в сторону гримерок. Матис, не оборачиваясь, побежал за ним.

– Ну уж, нет, зайчик, – прошипела я им вслед. – Спорщик хренов! Ну-ну!

Голова пошла кругом. Я столько приложила усилий, чтобы привлечь внимание Купа и реализовать свой план. И все рухнуло! Черт! Угораздило же меня прийти в туалет. Может ладно... Нет, Лена, совсем не ладно! Дураков учить надо, а себя ценить! Я решительно отправилась в примерки.

Беспокойный коллектив я нашла по шуму, раздававшемуся из-за одной из дверей. Когда я вошла буря была в разгаре. Ост вопил на Зилья, а тот вопил на Оста. Делали это они одновременно и с наслаждением, причём окружающих это не напрягало. Гюнтер стоял у окна и что-то сосредоточенно рассматривал. Матис самозабвенно подбирал музыку на гитаре. Окружающий шум его сбивал, он хмурился, поправлял колки. Куп полулежал на диване с бутылкой воды в руке. Увидев меня, он заулыбался и растёкся по дивану еще больше, широко раздвигая ноги. Я оглядела тесную комнату. Единственный стул занят Матисом. Сесть некуда. Пришлось натянуть улыбочку и подиумным шагом, отбивая темп высокими каблуками, подойти к диванчику. (Присутствующие проводили меня взглядами, а Матис перестал играть). При этом я встала лицом к Купу и спиной к остальным присутствующим.

– Разрешите присесть? – произнесла грудным голосом, складывая губки в свисток.

– А? – опешил он.

– Можно я усядусь?.. На диван... – надеюсь, он оценил мои интонации.

Вопли за спиной прекратились. Все четверо уставились на меня с Купом. Не торопясь повернула голову в сторону присутствующих, демонстрируя Купу длинную шею, которая снизу должна казаться еще длиннее из-за декольте.

Да, так и есть. Немая сцена. Куда я попала? Какой-то мужской монастырь, в котором я что-то сделала не так. Зильбе натурально выпучил глаза. Ост скривил лицо: то ли сдерживая улыбку, то ли от злости. Гюнтер прикусил губы, явно сдерживая смех. Матис, увидев, что я смотрю, спрятал лицо в волосах.

– На д-диван? – пролепетал Куп.

Я подмигнула замершему Зилью и полностью повернулась к Купу. Пользуясь тем, что зрители не видят моего лица, окинула его тело томным взглядом с головы до ног и обратно, задержавшись на ... чуть ниже живота. Рот приоткрыла и облизала пересохшие губы. Прищурилась.

– Ну не на пол же... – выдохнула тихо. Парень часто заморгал.

– Д-да... С-садись... – он поспешно сдвинул ноги и прижался к подлокотнику. Такой реакции я от «мачо» не ожидала.

Быстро крутанулась и плюхнулась на диван, скользнув бедром по бедру Купа. Уселась совсем близко и он оказался зажат в углу. «Мачо» поёрзал, но не сбежал.

– А что случилось? – удивленно спросила я, обводя всех наивным взглядом.

– Ничего. Всё хорошо, – пробормотали зрители на разные лады.

– Я пойду, – кинул Ост и поспешил покинуть гримерку.

Зиль остался стоять, изображая соляной столб. Они что вообще с девушками не общаются? Почему такая дикая реакция?

Перевела взгляд на оставшихся членов группы. Матис вернулся к гитаре и сосредоточенно крутил колок. Гюнтер снова смотрел в окно. Уф-ф! Эти вроде ведут себя адекватно.

– Ку-уп, – потянула я его имя. – Пожалуйста, сыграй для меня, – повернулась к нему полубоком, выставляя декольте на его обозрение.

Куп вскочил с дивана, как подброшенный. Ух ты! Я его сильно завела. Его возбуждение я почувствовала, хотя через огромную футболку этого не видно. Придётся на время ослабить хватку.

Куп подхватил гитару, уселся на подоконник, водрузив ногу на сиденье стула Матиса, провел по струнам, подмигнул басисту и заиграл.

Зиль засмеялся и встал рядом с братом. Гюнтер принялся отбивать ритм пальцами по подоконнику. Куп запел глубоким баритоном!

I'm staring at a broken door,

There's nothing left here anymore.

Матис подхватил мелодию, позволяя Купу отдаться пению.

My room is cold,

It's making me insane.
I've been waiting here so long,

...

And when I loose myself I think of you,
Together we'll be running
somewhere new ...

Through the monsoon², – подхватил Зиль припев, весело глядя на меня каким-то неожиданно волнующим взглядом, а в его глазах плясали маленькие костерки. Братья продолжили вдвоем:

Just me and you.
A half moon's fading from my sight,

.....

And when I loose myself I think of you,
Together we'll be running somewhere new ...

And nothing can hold me back from you³.

Тут они грянули вчетвером:

Through the monsoon.

Hey! Hey!⁴

Все умолкли, и Куп продолжил соло:

I'm fighting all this power,

Coming in my way

Let it sail me straight to you,

I'll be running night and day⁵.

Снова присоединился Зиль:

I'll be with you soon ...

Just me and you.

We'll be there soon ...

So soon.

.....

Fighting the storm,

Into the blue,

And when I loose myself I think of you,

Together we'll be running

somewhere new ...

And nothing can hold me back from you⁶.

И опять все вместе:

Through the monsoon.

² Я смотрю на сломанную дверь За ней и здесь уже ничего не осталось В моей комнате холодно Это сводит меня с ума Я так долго ждал И вот, наконец, этот момент, кажется, настал Я вижу, как тёмные облака надвигаются вновь. Я буду бежать сквозь муссон, Вопреки миру До скончания времён. Туда, где дождь не сможет ранить Буду бороться с бурей, Пока небо не прояснится И когда я буду теряться в себе, я подумаю о тебе О том, как мы вместе будем бежать к чему-то новому Сквозь муссон

³ Только ты и я Полумесяц исчезает на моих глазах В его сиянии я видел тебя, Но он исчез, оставив меня в одиночестве Я знаю, что должен найти тебя, Услышать твоё имя, но я не знаю как.. Почему в этой тьме мы не можем чувствовать себя, как дома? Я буду бежать сквозь муссон, Вопреки миру До скончания времён. Туда, где дождь не сможет ранить Буду бороться с бурей, Пока небо не прояснится И когда я буду теряться в себе, я подумаю о тебе О том, как мы вместе будем бежать к чему-то новому И ничто нас не разлучит

⁴ Сквозь муссон Эй! Эй!

⁵ Я борюсь изо всех сил, Чтобы эта дорога привела меня к тебе Я буду бежать день и ночь

⁶ Я скоро буду с тобой Только ты и я.. Скоро мы будем здесь.. Совсем скоро.. Я буду бежать сквозь муссон, Вопреки миру До скончания времён. Туда, где дождь не сможет ранить Буду бороться с бурей, Пока небо не прояснится И когда я буду теряться в себе, я подумаю о тебе О том, как мы вместе будем бежать к чему-то новому И ничто нас не разлучит

Through the monsoon.
Just me and you.
Through the monsoon.
Just me and you.⁷

Прозвучали последние аккорды. Я восторженно развела руками, не в силах произнести ни слова. Такого эксклюзивного выступления группы для меня, душечки, я даже не смела ожидать! И что-то мне подсказывало, что поющие Гюнтер и Матис – это мегаэкслюзив! А вот солирующий Куп...

– Спасибо, – вымолвила восхищенно. – Как же круто ты поёшь и играешь!

– А я не только умею петь и играть, – одарил меня косой улыбочкой и облизывающим взглядом из-под пушистых ресниц.

Я сразу вспомнила его самоуверенность в туалете, внутри кольнула холодная иголка.

– Вау! Ты всесторонне развитая личность? – оценивающе взглянула, приподняв бровь.

– О да! У меня есть один талант, который очень любят девушки. Большой такой... –

Самодовольно ухмыльнулся.

– Девушки любят? – переспросила излишне недоверчиво.

– Угу, – он лениво провел языком туда-сюда по колечку пирсинга и остановился взглядом в моем декольте. – У тебя такие... – перевел взгляд на лицо. – Глаза. Такие выразительные...

Я одарила его кривой ухмылкой и томным взглядом. И, непроизвольно, облизала губы.

В это время прозвучало приглашение на сцену.

⁷ Сквозь муссон Сквозь муссон Только ты и я Сквозь муссон Только ты и я. (Monsoon. Tokio hotel, 2005)

4

Ребята дружно рванули с мест. Куп и Матис схватили гитары. Зиль и Гюнтер выбежали первыми. Гюнтер вспомнил о палочках и метнулся в свою гримерку.

Кто-то из ребят, кажется Матис, вытолкнул меня в коридор:

– Пойдём!

– Можно я здесь останусь, – заныла. – Там шумно, душно...

– Нельзя, – он подтолкнул меня в сторону сцены.

– Оно того стоит, – улыбнулся появившийся Гюнт, поигрывая палочками в одной руке, а второй схватил меня за локоток и потащил по коридору. Бежать было поздно.

Достаточно быстро мы оказались в тесном пространстве перед выходом на сцену. Как по команде все замерли в ожидании.

– Микрофон! Я не взял микрофон! – спохватился Зиль.

– Он у меня, – апатично вздохнул Куп, вытащил из кармана позолоченный микрофон и протянул брату. – Держи!

– Пятиминутная готовность, – вынырнул откуда-то из темноты коридора Болен.

– Ребята, я, правда, не люблю большие концерты, – у меня еще была надежда на побег. – И потом это не входит в мои обязанности!

Куп, Матис и Гюнт одновременно одарили меня сердитыми взглядами. Я безнадежно выдохнула.

– Черт! Какой это город? – нервно вскрикнул Зиль.

– Питер! – ответила я.

Зиль отвернулся и пробормотал: «Здравствуй, Питер!», «Хорошьего вьечера!»

Я осторожно выглянула в зал из-за кулисы. Ничего не разглядела против света, но сказала:

– Ого, сколько народу!

– Тринадцать тысяч, по билетам с местами, количество зрителей без мест дирекция сообщает после концерта, – отозвался Болен.

– Вот это да! – ахнула я. – Аншлаг?!

– У нас только так! – Гюнтер гордо расправил плечи и прокрутил палочки в обеих руках. Сбоку затрещала рация на поясе Болена. Он что-то послушал, ответил и кивнул группе:

– Можно?

– Да, – Зиль глубоко вдохнул. – Вперёд.

Куп первым рванул на сцену, накидывая на бегу ремень гитары.

Гюнтер последовал за ним. Матис чуть задержался, вслушиваясь в первые аккорды Купа, в нужном месте вступил и выбежал на сцену.

Зиль застыл, глядя в никуда, втягивал носом воздух и прислушивался к происходящему на сцене. Он напомнил мне какого-то большого хищника, выслеживающего добычу.

И вдруг запел!

Сделав два огромных прыжка, он оказался в центре сцены. Все софиты настроились на него.

Зал взревел! «Ледовый» и до появления солиста истерил, но с его выходом начало твориться что-то неопишное. Фантастика!

Общая эйфория передалась мне, и я быстро нашла себе местечко в технической зоне, решив посмотреть, что же вызывает такую реакцию толпы. С моего места не было видно зал, но я отлично слышала вопли обезумевших фанатов. А еще мне был виден один из огромных мониторов, транслирующих многократно увеличенные лица ребят. Чаще всех на экране

показывали Зиля, реже Гюнтера. Матис и Куп попадали на экран, только в качестве фона для Зильбе.

Вдруг прожектора осветили зал. И я увидела «Ледовый» во всей его красе. Несколько тысяч человек вождедели эту тонкую и хрупкую фигурку солиста. Все внимание было приковано к нему. Партер тянул руки и бесновался! Руки, руки, руки! Бесконечный океан рук! Камера остановилась на лице Зилиа и я увидела его глаза. Он наслаждался этим безумием, этой нереальной энергетикой зала. Он получал удовольствие. Он заряжался этой энергией и в какой-то момент мне показалось, что стал возвращать эту энергию зрителям. Я заметила искорки в его глазах, нет, не искорки, а целые костры. Он был счастлив. Он лучился энергией, как солнце. И вдруг это солнце улыбнулось во весь экран и произнесло на русском:

– Здравствуй, Питер! Хорошего вечера! У-да-чи!

И зал в ответ послал такую волну эмоций, что её можно было сравнить с атомным взрывом, с ураганом, с цунами! Как крыша «Ледового» осталась на месте непонятно. Но зрители, вернее зрительницы, продолжали посылать волны обожания, восхищения и восторга одну за другой. Зиль стоял на краю сцены и, казалось, впитывал энергию этих волн без остатка. Сейчас он был Повелителем этой энергии! Богом, принимающим дары!

– Питер, я вас люблю! – радостно сообщил он в микрофон.

Зал взорвался, окатывая новыми волнами обожания.

Зиль отстранился от микрофона, повернул лицо в сторону, выдержала паузу и спросил громким шепотом в микрофон:

– Вы нас любите?!

Зал взвыл, почти хором сообщая о любви к этим мальчикам. Но Повелителю этого было мало. Он жаждал большего.

– Was sagen Sie? Ich kann Sie nicht hören⁸! Вы нас любите?! – прокричал он в микрофон.

Боженьки! Я не представляла, что нелепой фразой на смеси языков можно отыметь более пятнадцати тысяч человек одновременно. «Ледовый» отозвался стоном оргазма и забился в мегаэкстазе.

Зиль поднял руки в стороны и несколько минут со счастливой улыбкой впитывал мощную энергетiku зала. Камера выхватила в глазах Повелителя удивление – неужели это из-за меня?

Зиль выдержал паузу и объявил следующую песню.

Я поняла, что это действие нужно посмотреть и перебралась поближе к сцене. И не зря. Смотреть было на что.

Куп заигрывал со своей стороной партера так, что девочки умирали от желания. Он строил глазки, ухмылялся, посылал поцелуи, играл пирсингом на губе и мотал головой с дредами, которые прилипали к мокрой от пота шее. А как он играл на гитаре, м-м-м. Как пальцы ласкали струны и скользили по грифу. Я представила себя на месте гитары... Сразу вспомнила, как ночью завелась, рассматривая его фотографии. Но теперь я видела, что фотографии не передавали и сотой доли той сексуальной энергии, которую источал Куп. Казалось, от его взгляда женщины вокруг вполне могли забеременеть. Постаралась переключить внимание на других участников группы.

В сравнении с Купом, Матис вел себя сдержано. Он честно выполнял свою работу: играл на гитаре и скакал по сцене. Отлично играл и артистично скакал. А как энергично он тряс головой, размахивая волосами! Вау! Это было нечто. Через несколько секунд я уже оказалась в плену его пластики. Он напомнил мне какое-то грациозное животное – всё чётко, плавно, никаких лишних движений, каждый шаг и каждый взмах выверены до миллиметра. Правда, однажды они с Купом не рассчитали траекторию и врезались друг в друга. В этот момент от них

⁸ Что вы говорите? Я вас не слышу! (нем.)

пошёл дым, заволакивая сцену. Ага, значит и здесь не случайно – все в этой машине немецкого шоу-бизнеса рассчитано до мелочей.

Гюнтера показывали на экране часто, а мне его «живьем» совсем не было видно. Гюнтер так отдался отбиванию ритма, что непросто играл на барабанах, а слился с ними. Он стал этими барабанами. Он стал богом этих барабанов. Богом ритма.

Я притаилась в уголке зоны между сценой и партером, поближе к Тобиасу и подальше от Болена, который постоянно то уходил, то приходил. Куп заметил меня ближе к концу концерта – улыбнулся, поиграл пирсингом. Убедившись, что я смотрю на него, неожиданно поставил гитару себе на бедра и... сделал несколько толкающих движений. Это не укрылось от публики, и партер застонал. Я ощутила сильное возбуждение и резко скрестила ноги, перевела дух и почувствовала как из влагалища потекла влага... Вот стервец! Несколькими движениями бедер со сцены он просто «трахнул» меня без зазрения совести.

Я снова переключила внимание на Зиля. Он, напитавшись энергией зала в начале, теперь щедро раздавал её. Он работал с каждым сектором зала: улыбка в партер, кивок в лево, поворот в право, воздушный поцелуй на балкон, разворот спиной к залу и несколько прыжков к Гюнтеру, а затем всё с начала— прямо, влево, вправо... Каждое его движение публика встречала шквалом аплодисментов, криков и визгов, что мне становилось плохо. А он жил этой энергией. Он ловил кайф, и настолько старался, что мне захотелось дать ему всё что у меня есть, себя саму! Впервые в жизни я попала на такой мощный концерт. Меня подхватила общая энергетика и даже показалось, что я уже не я. Я отдалась этому вихрю энергии и стала частичкой этой группы... Или этих братьев...

Концерт закончился, а публика не хотела отпускать ребят, надеясь продлить наслаждение. Переполняемая восторгом, я убежала за кулисы. Меня распирало от ощущения бесконечного счастья!

Наконец, парни стали возвращаться со сцены. Первым показался Матис, и я тут же обняла его, повизгивая:

– Боже! Боже! Боже! Это фантастика!

Он обнял меня за талию и чмокнул в щеку.

– Говори спасибо за то, что я тебя вытолкал!

– Спасибо! Это восхитительно!

Потом я радостно вцепилась в Зиля и восторженно прокричала:

– Ты такой... Ты... А–а–а! У меня нет слов!!! – поцеловала его в губы.

Зиль всё еще фонил зрительской энергией, крепко обнял меня и приподнял, не отпуская моих губ.

Следующим со сцены выбежал Гюнтер, поэтому я вырвалась от Зиля и тут же схватила в объятия Гюнта. Слова кончились. Остались эмоции. Я поцеловала его в висок.

Разомкнула объятия с Гюнтом и увидела Купа. Он стоял чуть в стороне, наблюдая за моими метаниями от одного парня к другому. Взгляд очень серьезный.

Я не спеша направилась к нему, сдерживая смех, прикусила нижнюю губу.

Он склонил голову на бок, вопросительно изогнув бровь: «Ну?» – было написано на лице.

Я, покраснев до кончиков ушей, едва заметно кивнула: «Кончила...»

Мне дико стыдно, а он самодовольно ухмыльнулся, на лице отразился вопрос: «Я – бог секса?»

– Ты бог секса, – произнесла, подойдя к нему вплотную.

Он расправил плечи и опять самодовольно ухмыльнулся:

– Ночь наша?

Я взглянула ему в глаза, покачала головой и произнесла дрогнувшим голосом:

– Не могу... Ты спорил на меня...

Он опустил голову. Щёки покрылись красными пятнами.

- Дерьмо... – зубы стиснуты, на скулах выступили желваки.
- Зачем?..
- Матис сдал?
- Нет... Я сама... Я была в туалете... – чёрт бы побрал эту внезапную гордость!
- И что дальше?
- Ни чего... Прости... – одними губами.

Я поспешила уйти, но едва сделала несколько шагов, на меня коршуном налетела Марина.

– Вот ты где! Я тебя по всем гримёркам обыскалась! Скажи ещё, что на концерте была! – Маринка схватила меня за локоть и потащила в глубины коридора. – Самая работа начинается, а она с мальчиками заигрывает. Нам сейчас всю эту ораву нужно в гостиницу отвезти, а потом накормить. Не знаю, кто такой умный, но на сорок человек прислали три минивэна. Я завтра все директору выскажу, а сегодня мне их нужно как-то довести. Вот! – Марина подвела меня к мужчине и пожилой женщине, стоявшим в коридоре с чемоданами. В женщине я узнала стилиста Купа, ту самую, которая ему укладывала дреды. Мужчина был мне незнаком. – Отвезешь их в Пулковскую и обязательно меня дождись. Нам еще их ужином кормить! – Она быстро объяснила парочке на английском, что я их отвезу в гостиницу, и уперлась в меня взглядом.

– Хорошо, – я одарила пассажиров приветливой улыбкой, – сейчас сумку возьму и поедem. Минутку!

Я метнулась в гримерку Гюнтера, где оставляла свою сумку. Когда я вернулась, Марины рядом с моими пассажирами не было. Пригласила мужчину и женщину следовать за мной и направилась к выходу, маневрируя между суесящимися людьми, собирающими вещи и бегающими из гримерки в гримерку.

– Лена! Лена! – услышала я через общий гвалт окрик Марины. Она подбежала к нам и сунула мне в руки пластиковую карточку на ленточке. – Забыла тебе сразу выдать! Это проходка в гостиницу. Ты постарайся паркануться рядом со служебным входом. С главного фанатки, лучше там не входить. – Подруга сунула мне пропуск и убежала.

Я взглянула на карточку. Моя фамилия, имя, отчество и даже фотография. Оперативно работает Марина.

По вечерним проспектам я быстро долетела от Ледового дворца к гостинице «Пулковская». Пассажиры смотрели в окна и не расспрашивали о достопримечательностях. Впрочем, вряд ли их заинтересовали панельные многоэтажки, мелькающие вдоль Дальневосточного проспекта и проспекта Славы.

Фанаток мы увидели, как только вывернули на площадь у Монумента защитникам Ленинграда. Толпа, состоящая из девушек, была не такой внушительной, как в «Ледовом», но полностью заполняла подходы перед гостиницей.

Слегка запутавшись в поворотах, я свернула в один из подъездов к гостинице. Попадающиеся навстречу девушки с ярким мейкапом на лицах пристально вглядывались в окна машины. Стало даже жутковато. К счастью, я быстро вырулила к служебному входу.

Когда мы вошли, оказалось, что я по проходке пройти в гостиницу смогу, а вот немцы нет, потому что у них не оказалось карточек от номеров.

Я набрала Марину. Она ответила только на второй вызов.

– Мы уже приехали! Сейчас через фанаток пройдем! Что? Нет карточек? Чёрт! Ждите, я сейчас кого-нибудь к вам отправлю!

Ждать пришлось минут десять. К нам вышла администратор со списком, проверила немцев по документам, выдала карточки от номеров и их пропустили.

Мужчина, подхватив свой объемный баул, поспешил в свой номер. Женщина долго с трудом устраивала объемную сумку на огромный чемодан на колесиках, при этом её сумка на длинном ремне постоянно спадала с плеча.

– Вам помочь? – предложила я.

– Если вас не затруднит. – Она протянула мне объемную сумку и бодро потолкала чемодан к лифту.

Я отправилась за ней. В это момент позвонила Марина.

– Ну как вы там?

– Справились. Сейчас до номера стилистку провожу и подойду.

– Можешь не подходить! У них тут все организовано. Персонал говорит по-английски. Справятся без нас. Так что можешь валить домой. Завтра я тебя жду утром, подъезжай к гостинице к девяти часам.

Отлично! Пряма камень с души. Взглянула на монитор гаджета – без двадцати десять. Есть шанс сегодня нормально выспаться.

Я быстро донесла большую и тяжелую сумку в номер к фрау стилистке, выслушала благодарности и отправилась домой.

Вызванный лифт мелодично звякнул, распахнул дверь и из неё вышли JungeDrachen в полном составе. В голове промелькнуло: «Не успела!»

– А вот и Лена! – радостно воскликнул Матис. – Я же говорил, что она никуда от вас не денется!

– Ты нас здесь дожидалась? – поинтересовался Гюнт. – Мы сегодня быстро через фанаток прорвались! Пойдем! – он схватил меня за руку и потащил за собой.

Через несколько минут мы все завалились в номер Куа и ребята попадали на свободные места. Было видно, что они устали. Они не шутили и не подкалывали друг друга, а расслабленно молчали.

Оглядела комнату. Сесть не куда, разве, что свалиться на кровать рядом с Зилем. Недолго думая я сняла лабутены и уселась на пол, опершись спиной о стену. Кайф! По полу тянуло сквознячком, остужая уставшие ноги. Хотелось в душ, хотелось спать...

Матис вскочил с кресла:

– Садись сюда, там же неудобно!

– Неудобно, зато прохладно! – улыбнулась в ответ. Похлопала ладошкой по полу рядом, приглашая его присоединиться.

Пока Матис обдумывал моё предложение, Гюнтер хихикнул и уселся рядом со мной. Куп недовольно посмотрел на нас и с напускным равнодушием развалился в кресле, откинув голову.

– Как тебе концерт? – спросил Гюнт полупшепотом.

– Непередаваемо! – восторженно ответила я и слегка толкнула его плечом. – Никогда не думала, что от похода на концерт можно получить физическое удовольствие. Вы захватываете внимание с первых аккордов и держите до конца. Как вы этого добиваетесь?! – решила ему польстить: – Знаешь, шаманы, чтобы ввести в транс пользуются бубнами. Барабаны – это же по сути бубны. Ты как шаман! В том, что вы так влияете на публику твоя огромная заслуга! Ты задаёшь ритм! Ты его ускоряешь и замедляешь. Ты... Ты сердце группы! – закончила я искренне.

Гюнт залился краской. На фоне яркого румянца смешно проступили конопушки на курносом носу. Он застенчиво опустил глаза.

В это время остальные в недоумении уставились на нас. В особенности моим заявлением был удивлён Зиль. Видимо, такое он слышал впервые. Он даже привстал в кровати, чтобы разглядеть всерьёз ли я говорю. Я была совершенно серьёзна. Какие же они бестолковые! Как легко их троллить!

Гюнтер заметил реакцию друзей и напрягся.

– Ну у нас группа... – неуверенно начал он.

– Да ладно? Серьёзно? – излишне притворно удивилась я.

– Да, – кивнул бог ритма. – Каждый обеспечивает успех общего дела.

Я прыснула. Парни тут же отозвались дружным гоготом. Гюнтер обиженно надулся и попытался от меня отодвинуться. Я легонько ткнула его локтем в бок.

– Федул, что губы надул? – произнесла я по-русски, чётко выговаривая слова, в надежде, что он поймёт. К счастью, он понял и его губы тронула улыбка.

Я снова ткнула его локтем. Он попробовал мне ответить, но я неловко увернулась, и мы завалились на пол, хохоча и щекоча друг друга.

– Эй! Прекратите! – донёсся возмущенный возглас Купа.

Затем к нам прилетела подушка. Потом вторая. Потом перед носом появились красные кроссовки и широкие штанины. Куп. Гюнтер охнул, потому что Куп уселся на нас сверху. Я взвизгнула и закричала:

– Матис! Матис! Help me!

– Куп, ты совсем спятил?! – перед носом встали бордовые кроссовки с голубыми джинсами. Послышались звуки борьбы и звук падения. Уф-ф! Вдохнула полной грудью. Теперь мы втроем лежали на полу и ржали. Матис плюхнулся рядом и рассмеялся.

– Идиоты, – назидательно произнёс Зиль, подняв голову над подушками и оперев её на руку. – Школота. Хорошо, что журналистов нет!

– А что? Было бы весело, – продолжала смеяться я, поправляя растрепавшиеся волосы.

Матис поднялся и направился к креслу, Гюнт и Куп откинулись на стенку. Веселье сходило на нет.

Чтобы как-то продлить веселие, я решила задать вопрос, который они ненавидели, по уверению интернета.

Собралась, сделала лицо серьёзным и невинно спросила:

– А почему ваша группа называется JungeDrachen? – хлопая ресничками, по очереди взглянула на каждого.

Реакция была неожиданной. Вместо предполагаемого раздражения со стороны ребят, я увидела, что они вчетвером переглянулись. Зиль закатил глаза, простонал, и повалился на подушку, делая вид, что он тут просто тихо лежит и не понимает моего плохого немецкого. Матис ухмыльнулся и спрятался за длинной чёлкой. Гюнтер глазами указал на Купа и деланно отвернул голову в сторону. Купу было не за кого спрятаться. Он обвёл всех взглядом, в котором читалось: «Снова мне за всех отдуваться!» – набрал воздуха в грудь и произнес:

– Тебе официальную версию? Про то, как мы начинали в клубе «Драконы» или... – он многозначительно сверкнул глазами.

– Или!

– Мы драконы, – просто ответил он. – Молодые драконы из рода Раммельсбергов и местечка Раммельсберг, что рядом с Госларом. Когда-то, несколько веков назад, нашей семье принадлежали шахты и рудники, поэтому по традициям рода нам дают имена по названиям добываемых металлов: он, – Куп махнул на Зиля, – Серебро, а я – Медь. Ну, а с ребятами мы учились в одной школе, и они тоже драконы, правда, из других семей.

– Издеваешься, да? – на моем лице выразилось обалдение, внутренне я готовилась к лавине хохота, поэтому попробовала засмеяться, но получилось вяло.

Куп гаденько улыбнулся. Однако гомерического хохота не последовало.

– Ну надо же нам над кем-то смеяться? Не все ж тебе Гюнтера доставать. Приятно, что в нашей компании появился новый клоун.

– Ну что ты, я никогда не позволю себе забрать у тебя твой хлеб. Разве я могу тягаться остроумием с таким профи. Я всего лишь жалкое подобие юмора. – Произнесла это таким снисходительным тоном, что Куп покраснел и отвел взгляд.

Как забавно у него это проявляется: обиженный ребенок в теле здорового, грубоватого парня.

Парни вообще странно себя ведут по отношению ко мне.

Матис и Гюнт воспринимают нормально и принимают меня, а Куп почему-то выпендривается. О Зиле вообще думать не хочется. Держится со мной на расстоянии, но бросает странные взгляды. Мне кажется, он хочет держаться от меня подальше и в тоже время ему нравится, как со мной общаются другие, но сам не решается. В общем, зашуганный какой-то. Хотя это объяснимо: когда ты под прицелом фотокамер и бдительных поклонниц, когда каждый твой чих обсуждается миллионами – будешь тут зашуганным, впору сбежать на необитаемый остров.

Надо же такое придумать – драконы. Ага, особенно Зиль... Я решила в тему драконов не углубляться, расценив её как неудачную шутку.

Ладно, вечер удался, звёзды мои в отеле, услуги переводчика им уже не нужны, пора и честь знать. Жаль, что мой план сорвался. Я печально вздохнула.

Куп... Приспичило мне в туалет именно тогда, когда они туда пришли... А ведь всё могло получиться. Он, конечно, парень классный, сплошной ходячий мегасекс, но уважение к себе важнее. Сразу вспомнила старый советский фильм «Девчата», который очень любила пересматривать моя бабушка. Там на главную героиню тоже поспорили. Видимо, парни всех времен и народов любят это делать.

Зиль вывел меня из задумчивости:

– Итак, Санкт-Петербург мы покорили, – величественно вымолвил он.

– Да отличный концерт, – подтвердил Матис.

– Как всегда, – буркнул Куп, покосившись на меня.

– Ребята, я, пожалуй, поеду домой, если вы больше ничего не желаете.

– А ты можешь еще что-то предложить? – Куп посмотрел пронзительно, как тогда на концерте. Я резко скрестила ноги, справляясь с нахлынувшим возбуждением.

– Я многое могу предложить. Если нужно, – ответила глаза в глаза, бросая вызов.

– Поужинай с нами, – неожиданно сказал Зиль, разбивая наш с Купом безрезультатный поединок взглядами. Я с облегчением и благодарностью посмотрела на него.

– С удовольствием. Уже поздно, а дома есть нечего, – бросила я, не придавая значения сказанному.

– Ты голодаешь? – испугался Гюнтер.

– Нет, что ты! – замотала головой. – Нечего есть, потому что ничего вчера не приготовила!

Гюнтер радостно засмеялся.

– Хорошо, хоть мы тебя покормим, – сказал Матис, дружески хлопнул меня по плечу и отправился в свой номер переодеваться. За ним пошёл Гюнтер, все так же интимно улыбаясь. Куп поднялся и спросил, бросив в мою сторону игривый взгляд:

– Ничего, если я приму душ?

– Ничего, – я пожалала плечиком. – Надеюсь, я не помешаю? Могу уйти.

– М-м-м, – он изогнул правую бровь. – Интересно, куда? Точнее к кому?

– Должна отчитываться? – сладко мурлыкнула, словно он мой ревнивый любовник.

– Как хочешь... – не отводя глаз, Куп опустил передо мной на корточки, потрогал языком пирсинг. – Просто интересно.

Я почувствовала, что тону в его глазах, взяла себя в руки и резко ответила:

– К Матису... Он такой секси...

Куп резко поднялся, но быстро придумал ответ:

– Зато я умею делать отличный массаж.

Он быстро сорвал с себя футболку, продемонстрировав мне стройный торс, перевитый мышцами, и скрылся за дверью ванной.

Ох, хорош. Может... Нет, я люблю себя больше!

Я вздохнула.

В зеркальной поверхности плазмы нечётко отражался Зиль. Он лежал и смотрел на меня, подергивая крыльями носа, как будто приносиваясь, с выражением бесконечного удивления на лице. В номере повисла звенящая тишина, которую неожиданно разорвало шипение воды, ударившей тугими струями о фаянс ванны. И тут же донеслись ругательства Купа. Я усмехнулась, представив, как капли сползают по мускулистым плечам, текут по подтянутому животу, ниже... ниже... Вспомнила, как он двигал бёдрами на сцене... М-м-м...

Зиль развернулся на кровати и, уже не таясь, разглядывал меня. Меня это разозлило, как будто он подсматривал мои мысли. Вот ведь размечталась! Надо на что-то переключиться. Кстати, а почему он не ушёл? Не хочет принять душ?

Чтобы отвлечься решила включить плазму и покрутила головой в поисках пульта. Пульт обнаружить не удалось. Взглянула на сегодняшнее солнце «Ледового». Наверняка у него.

– Пульт у тебя? Давай включим телевизор, – попросила я. Он отрицательно замотал головой.

– Хочу тишины.

– А я хочу телевизор посмотреть, – решительно заявила я.

Сегодняшний бог «Ледового» в недоумении вытаращился на меня, но тем не менее спокойно сказал:

– Я устал. И хочу тишины, – В голосе ни капли высокомерия, всего лишь констатация факта. Я тут же вспомнила, как он сжигал себя на сцене, и мне расхотелось на него давить.

– А меня тишина оглушает. Что делать? – спросила я примирительно.

– Давай поговорим?

– О чем?

– Например, о Санкт-Петербурге. Красивый и большой город.

– Тебе понравился Питер? Когда ты успел его увидеть?

– Пока нас по городу возили...

– О, тогда ты ничего не видел. Гостиница рядом с аэропортом, и до «Ледового» вас наверняка везли по объездным и окружным дорогам. Хочешь, я покажу тебе настоящий Питер? С дворцами, – взглянула на часы, – мостами и памятниками императорам?

– Не получится. Нас Ост с Тобиасом не отпустят.

– Да ладно! Какое нам до них дело? Если ты решишь, что хочешь увидеть Питер, мы придумаем, как незаметно покинуть гостиницу, – я взглянула на проходку, болтающуюся у меня на шее.

5

Нечасто, но все же я умею сама себя удивить! Это был как раз такой случай.

Я ведь неплохой человек. Ну зачем я его позвала? Кто меня за язык тянул? Не иначе чёртик забрался в голову и шевелил моим языком. И ведь так убедительно! Какие дворцы и мосты я собралась ему показывать? Это развлечение на всю ночь, а я с ним и полчаса не вынесу! Больная! Однозначно, Елена Волгина, ты полная идиотка! Так мечтала о Купе и в один миг променяла его на нелепый аналог! Который лежит, открыв рот, и решает сложную задачку: что он хочет.

Откажись, Зиль! Пожалуйста, пожалуйста! Если ты откажешься, обещаю: я плюну на свою глупую гордость и твой брат шикарно проведёт эту ночь!

Зильбе никак не мог решиться. Его лицо отражало все борющиеся в нем чувства: интерес, любопытство, сомнение. И еще что-то, что его удерживало. Я не понимала эту эмоцию.

Откажись! Откажись! Хотя... Мне вдруг стало интересно: какой он в жизни? Снова чёртик пощекотал моё воображение. Никакого сексуального влечения этот андрогин у меня не вызывал, но почему бы не прогуляться по ночному городу. И у мачо будет время подумать над своим поведением!

Поэтому вместо того, чтобы отговорить, я ляпнула:

– Не переживай, верну тебя в целостности и сохранности. Утром доставлю самолично, и твоя девственность не пострадает. Может, еще и Купа прихватим? Веселей будет!

Пикап-фраза про девственность, неоднократно проверенная мною на разных мужчинах, сработала как надо. Зиль не стал исключением. Он стушевался, но быстро взял себя в руки и сказал, повергая меня в замешательство:

– Видимо так должно быть. Я готов, – поняв, что не такого ответа я ждала, добавил: – Я хочу посмотреть Питер.

После более чем лёгкого ужина (теперь понятно почему братья такие тощие) в ресторане отеля, все разбрелись по номерам. Зиль с Купом тихо обсуждали нашу экскурсию и побег. Периодически до меня долетали фразы: «Ост порвёт», «фанатки разорвут», «папарацци выложат в сеть», «у них тут криминал», «где тебя потом искать».

Я стояла у окна, делая вид, что люблю городом, а на самом деле злилась на себя. Чёрт, ну почему у меня всё так неровно? Нравится один, а в ночь ухожу с другим. Влечёт к одному, а второго буду развлекать!

Я посмотрела на свое отражение в оконном стекле: лицо усталое, глаза грустные.

Нет, Лена, ты все делаешь правильно. Несмотря на то, что Куп с Матисом рук не разбивали, а Матис вообще сказал, что не будет с ним спорить, вызов был брошен. Если я сейчас уступлю, то позволю мальчику выиграть спор. Он утром заявится к Матису и затребует свой выигрыш. Неважно, что это будет, для него я стану просто средством для получения с Матиса какой-нибудь ерунды – блока сигарет или ящика пива. Я так не хочу. А как ты хочешь? Ты же сама была настроена на разовый секс. Почему тебя сейчас это ломает?

– Куда ты его повезёшь? – Куп прервал моё самокопание. Не прошло и года, как он позволил Зиле «посмотреть город», пообещав взять на себя Оста и фанаток.

Я повернулась от окна и посмотрела на их физиономии: растерянную Зиле и самодовольную Купа.

Старший аж светился. То есть вот так просто уступил меня младшему? С чего бы это? То есть при Матисе пускал слюни, обсуждая мои «глаза», а как дело дошло до младшего – просто отошёл в сторону. Никаких возражений – бери и пользуйся на здоровье! Это меня

задело. Похоже, он действительно воспринимает меня как предмет. Можно на меня поспорить, а можно братишке дать попользоваться.

Братья синхронно переглянулись друг с другом, как будто продолжая что-то обсуждать без слов, синхронно перевели взгляды на меня. В этот момент я почувствовала их единство. Словно они одно целое. У меня промелькнула мысль, что возможно, поэтому Куп так легко уступил в пользу брата.

И все равно такое поведение отличалось от того к чему я привыкла. Он отказался от меня! Даже не стал настаивать, хотя видел, как меня к нему тянет...

– Просто покатаемся по городу, посмотрим на разводящиеся мосты... – ответила с беззаботной улыбкой. – Специальную программу я не продумывала. Если ты пойдешь с нами, то покатаемся на машине, которая стоит у гостиницы. Если ты не с нами, то поедем на мотоцикле, благо погода шикарная.

– Это точно безопасно? – лицо встревоженное, прям не старший брат, а любящая мамочка.

– Мотоцикл я вожу давно, не переживай, лихачить не буду. Это в моих же интересах, иначе ваши фанатки сначала меня убьют, а потом выроют мою могилу и нагадят в гроб.

Парни засмеялись и сказали в один голос:

– Это они могут!

– Я оставила машину у служебного входа. Значит, выйдем по-тихому, погуляем и так же вернёмся назад, – произнесла беззаботно и помахала проходкой от служебного входа.

– Всё не так просто. Предположим, это позволит обойти фанаток, но дежурит охрана: один на этаже и внизу в холе несколько человек, – напомнил Куп. – Они узнают Зилья.

– Что же делать? – Зиль огромными глазами посмотрел сначала на меня потом на брата.

– Давайте, подумаем, – сказала я. – Куп, посмотри, есть охранник на этаже или нет.

Куп выглянул в коридор и сообщил:

– Охранник стоит, но он не наш. Видимо из местных.

– Отлично! Тогда у нас есть шанс проскочить мимо него. Для этого нужно, чтобы Зиль не был на себя похож! Давай, для начал убери хаер и смой грим!

Через пять минут перед нами предстал расчесанный и умытый Зиль, который все равно был похож на себя.

– Да... Так мы далеко не уйдём! Нужно что-то кардинальное... Чтобы видели совсем другого человека!

Куп уставился на меня, а затем у него в глазах заплясали чёртики.

– Снимай юбку! – велел он.

– Спятил? – воскликнули мы с Зилем в один голос, осененные догадкой.

– А как по-другому? – пожал плечами Куп.

– Иди к черту! – неожиданно для меня рявкнул Зиль. – Не хватало, чтобы потом все газетёнки написали, что я трансвестит! Потом все будут сомневаться в моей ориентации!

Я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. Смешно это слышать от парня, в традиционной ориентации которого сомневается все интернет издания.

– Ничего страшного нет в том, что ты пару часов побудешь девочкой. Ты же не переживаешь из-за того, что всё время выглядишь чучелом! – вырвалось у меня. Оплотность я поняла только, когда оба брата посмотрели с обидой во взгляде. – Оба выглядите как чучела, – буркнула я, не зная как смягчить сказанное.

– Зиль, сейчас главное тебе выйти незаметно из отеля, а вначале проскользнуть мимо охранника на этаже и в холле. А если мы нарвемся на Болену? Соглашайся! – убеждал брата Куп.

Я, не задумываясь, сняла свою юбку-шорты, оставшись в чулках и красных стрингах. Протянув Зилю юбку, я даже сразу не поняла, почему они оба уставились на меня. Куп сглотнул слюну, разглядывая мои голые ноги и аккуратную попку. Зиль покрылся пятнами и отвернулся.

– Куп, а я в чем пойду? Вот так?! – крикнула, возвращая их в реальность.

– Наденешь наши штаны, – Куп взял себя в руки.

– Я в них утону!

– Они на ней лопнут!

– Кто бы говорил!

– Спорим?

– Вам лишь бы спорить!

Куп, не обращая на нас внимания, выкатил на центр комнаты чемодан и принялся доставать оттуда разные штаны. В итоге остановился на простых голубеньких джинсах и протянул их мне.

Не сговариваясь, мы с Зилем принялись напяливать на себя новые вещи. К счастью, в джинсы я поместилась и не утонула: чуть широковаты, но до машины дойду. Быстро закатала длинные штанины. По ночному времени сойдёт.

У Зилия все было сложнее. В юбке-шортах он смотрелся как дешевая придорожная проститутка.

– Да уж... – протянул Куп и снова посмотрел на меня. – Где твои чулки?

– Вот, – протянула ему чулки, которые еще не успела спрятать в сумку.

Куп велел брату их натянуть.

Лучше не стало, но длинные ноги хотя бы перестали притягивать взгляд своей обнаженностью. Кружева чулок эротично выглядывали из-под юбки, завершая утонченный образ бульварной проститутки. При других обстоятельствах я бы валялась по полу от смеха, но сейчас лихорадочно соображала, как это исправить.

– Завяжем куртку вокруг талии и спрячем волосы под бейсболкой! – предложила я.

– Мейкап? – размышлял Куп.

– Вряд ли мы сейчас сделаем что-нибудь достойное. Надо что-то отвлекающее внимание. Очки! У вас есть очки?

Братья синхронно покачали головами.

– Нужно что-то яркое... Какое-то пятно...

– Помада! Накрасим губы яркой помадой! – нашла я. – Половину лица закроет бейсболка и будут видны только яркие губы! В коридоре мы сделаем вид, что Куп провожает переводчиц. Поедем разными лифтами Куп чуть раньше, потом мы с Зилем. Ты отвлечешь охранников в холле и девчонок, уведешь в другую сторону от лифтов. Придумаешь куда, я же не была в холле. В это время мы с Зилем проскочим мимо в коридор и выйдем через служебный вход.

– Вы с ума сошли?! Юбка, помада, чулки! – возмутился Зиль. – Еще туфли на каблуках!

– А это идея! – хлопнул его по плечу Куп. – Жаль, у нас нет туфель твоего размера! – Куп заржал, лицо Зилия перекошилось от злости.

– Не переживай! Зато так тебя точно не узнаю, а в машине ты переоденешься, – успокоила я его.

Через десять минут мы были готовы. Вернее, Зиль: яркие губы, футболочка с золотыми цветочками (боже, чего только не было в их чемоданах!), юбка-шорты, которая ему была явно мала, и белые кеды на слишком короткие чулки в сеточку. В довершение нелепого образа: прижимаемая руками спереди кожаная куртка, чтобы прикрыть отсутствие груди, бейсболка, под которой мы спрятали волосы, рюкзак за спиной, куда они с Купом уложили сменную одежду и такие необходимые для ночной прогулки вещи как зубную щётку, расчёску и средство для полоскания горла. Да уж, видок тот ещё... Как бы нас охранники не задержали из-за того, что мы провели в отель такую сомнительную персону. До машины бы дойти без приключений!

Купа разбирал смех, Зиль злился, меня начинал колотить мандраж.

В последнее мгновение перед выходом из номера Куп что-то шепнул брату, шаловливо посмотрев на меня. Зиль, злобно сверкнув глазами, направился к двери.

– Веселой ночи, – сказал с эротичным придыханием Куп мне на ушко.

– Надеюсь, и ты ночью скучать не будешь. Только не оторви! – промурлыкала я, одновременно касаясь невесомым поцелуем уголка губ, а рукой его паха.

Куп скользнул ладонью по моей талии, на мгновение задержал её на моей попе, расстроено вздохнул и виновато заглянул мне в глаза.

Я решительно направилась за Зилем.

Мы вышли в коридор и попали под прожигающий взгляд охранника, который делал вид, что смотрит в пространство. Подталкивая друг друга, мы направилась в лифтовой холл.

У охранника зашуршала рация и он сказал в неё по-русски, что объект вышел из номера.

Зиль жеманно поправил бейсболку и обернулся на охранника.

– Ребята, мы просто идем в сторону лифтов. Держитесь непринужденно. Мне что вас этому нужно учить? Куп, ты идёшь с двумя девушками. Обними за талию, расскажи анекдот, – сказала я так, чтобы слышали только братья. Не знаю, на что я рассчитывала, но Куп быстро сориентировался и обнял за талию... Зилья.

– На двери концертного зала висит табличка: «Собаки должны оставаться на улице». После концерта появилась приписка: «Ассоциация защиты животных», – рассказал Куп на одном дыхании.

Да уж, анекдоты явно не его конёк, но делать нечего я громко засмеялась. Парни одновременно одарили меня изумленными взглядами. К счастью, мы уже оказались рядом с лифтами и Куп нажал на кнопку вызова.

– Что вы удивляетесь? Мне не смешно, но охранник русский, он не понимает нас, но должен видеть, что мы непринужденно беседуем.

– Вау! – визгливо вскрикнул Зиль и громко захихикал.

В это время приехал лифт и, под присмотром охранника, нам всем пришлось в него войти. Куп нажал на кнопку «1» и я услышала, как охранник сообщил в рацию:

– Объект на лифте выдвинулся в вашу сторону. Принимайте.

Я быстро нажала на кнопку «2».

– Он передал по рации, что ты спускаешься, чтобы они тебя встречали. Ты не сможешь отвлечь их внимание, потому что охрана будет ждать у лифта. Мы с Зилем выйдем на втором и спустимся чуть позже, – Куп кивнул соглашаясь.

– Постараюсь увести их от лифта подальше.

Когда мы вышли на втором этаже, я огляделась по сторонам и поняла, в какой стороне коридора находится лестница на служебный выход. Дверь на лестницу оказалась открыта.

– Пошли! Это наш шанс, – схватила Зилья за руку и потащила по коридору к выходу.

Мы бегом преодолели коридор и два лестничных пролета.

Охранник на проходной смотрел в экран маленького телевизора, рога турникета были опущены.

– До свидания! До завтра! – попрощалась я с охранником, показывая проходку.

– Спокойной ночи! Приложите проходку для выхода, – сказал охранник, не отрываясь от экрана.

Я поднесла карточку к пластиковой коробочке у двери и нажала на ручку.

– Подожди, – зашипел Зиль, – сначала посмотри. Вдруг там фанатки.

Я осторожно приоткрыла дверь и выглянула. На крыльце и в зоне видимости никого не было.

– Чисто!

Мы с Зилем резвым галопом понеслись к машине. Я с пульта открыла двери, впуская Зилю на пассажирское сиденье, и бегом запрыгнула на водительское. Сбросила лабутены, закинув их на заднее сиденье – переодеть обувь некогда, а нажимать на педали босиком даже удобней!

Только мы отъехали от парковки и я начала манёвр по дорожке, как на боковой тропинке показались две девушки в боевом эмо-готском раскрасе.

– Пригнись! – скомандовала я Зилю.

Тот на редкость послушно сложился, почти под сиденье сполз. Девушки прошли мимо, даже не взглянув в нашу сторону. Уф-ф! До меня дошёл ужас содеянного нами. Что было бы, если бы девушки были у служебного входа?

– Поднимайся, кажется, пронесло! И набери Купа, он, наверное, нас уже потерял.

Зиль выпрямился в кресле, озираясь по сторонам, достал гаджет.

Мы выехали на площадь у Монумента защитникам Ленинграда.

Куп снял трубку сразу и до меня донеслись его возмущенные вопли:

– Вы где? Сколько вас ещё ждать? Или ты передумал?

Зиль объяснил, что мы сбежали через второй этаж и сейчас уже объехали вокруг какого-то большого памятника. Братья перекинулись фразами о созвоне утром и разъединились.

– Ну что? – поинтересовалась я. – За мотоциклом?

– За мотоциклом! – произнёс Зиль с видом человека, отчаянно пустившегося в неведомое плавание. – Я смогу у тебя дома переодеться?

– Конечно, – и рассмеявшись, добавила: – Даже могу подобрать тебе другую юбку или платье.

– Сделали из меня шута, – буркнул Зиль с обидой в голосе и принялся стирать помаду, разглядывая себя в зеркальце, опустив солнцезащитный козырёк.

Чтобы разрядить обстановку я включила радио.

Оттерев помаду, Зиль стал смотреть в окна и расспрашивать о том, где мы едем и что проезжаем, указывая пальцами на что-то заинтересовавшее. Я попыталась ответить на все его вопросы, лихорадочно вспоминая историю родного города. От «Пулковской» до центра по Московскому проспекту в полночь рукой подать. Я ехала не спеша, чтобы показать гостю архитектуру. Как последовательно она изменялась по мере того, как город разрастался от центра к окраинам. Проехали мимо памятника Ленину. Зиль, как ребенок из бывшей социалистической Германии, смутно слышал об этой личности и обрадовался, увидев такой огромный памятник. Обогнули Московские ворота, сталинки сменялись домами конца 19 века.

Свернула на Фонтанку, чтобы сделать разворот через Аничков мост и Невский. Проехали самый центр, здесь было бы классно просто прогуляться, пешком, не спеша, держась за руки.

Но в таком виде на улицах не безопасно не столько мне, сколько Зилю. Я не должна подвергать его опасности, теперь эта мысль прочно засела в моей голове.

Зиль с детским восторгом смотрел по сторонам и ему явно нравилось то, что он видел.

Он стал рассказывать о Госларе, в котором они жили в детстве. Сравнил его с Питером. Его привело в восторг то, что в городе светло, несмотря на поздний час. Рассказал, что любит большие города, и хотел бы жить, например, в Берлине. Неожиданно, он выругался, вырубил радио и отвернулся к окну, скрестив руки на груди.

Я отвлеклась от дороги и уставилась на него.

– Ненавижу! – буркнул под нос.

– Кого? Этого исполнителя?

– Нет. Просто я уже не могу слышать эту песню. Хватит того, что я её пою каждый день!

– Так это ты пел?

– А то ты ее на концерте не слышала?

– М-м-м, – начала я, не зная, что сказать, – по-моему, хорошая песня. Красивая! К тому же это ваша визитная карточка. А поставили её, потому что вы приехали.

Мне показалось, что я выкрутилась из ситуации, но Зиль сидел насупившись и мрачно смотрел на дорогу. Ну вот только наладили отношения и всё насмарку! Опять начинать сначала. Пока я раздумывала, как его ободрить, Зиль начал сам:

– Понимаешь, почти четыре года каждый день одно и то же! И даже не по одному разу. Как бег по кругу: те же песни, те же фразы, жесты, улыбки, позы. Очередность выхода на сцену, перемещения по сцене и прыжки – всё выверено так, чтобы было видно и на галерке и в партере. Кокетливый взгляд, воздушный поцелуй, подмигивание – не дай бог перепутать последовательность! На сцене нас четверо, мы группа. У каждого из нас своя роль, свои задачи, движения и жесты. Но когда я стою в свете софитов, мне кажется, что я один на один с залом... Балкон. Трибуны. Партер. Всё визжит и кричит. Против света все сливаются в одну безликую массу. Только руки. Лес рук. Они тянутся к сцене. Мне кажется, чтобы сдернуть меня в толпу и разорвать на части. – Он усмехнулся: – На мерчи...

– Знаешь, а мне понравилось то, что вы делали на сцене, – осторожно начала я, выдержав паузу после его признания. – Не знала, что так можно. Зал был ваш еще до вашего появления и взорвался с первых аккордов. А ты... Твои эмоции были такими настоящими... А еще... Когда твои глаза показали на большом экране, я увидела в них счастье. Это ни с чем нельзя спутать. Ты был счастлив в тот момент. И твое счастье видели более тринадцати тысяч человек. В твоих глазах горели искорки. Нет, костры! В твоих глазах без всяких спецэффектов горели костры... Ты сам был факелом!

– Огонь в глазах, – он усмехнулся, – а ещё дым на сцене. Ты тоже не поняла... Хотя, где тебе. – Он отвернулся.

И что опять не так? Я вроде его похвалила. Можно даже сказать высказала восторг.

Но тут Зиль расслаблено растянулся в кресле и улыбнулся. Так мягко и ласково... А в глазах заплясали костерки.

– Ты права, я был счастлив. Мне не передать, каково это – видеть, что ради тебя пришло столько народу. Это не выступление в каком-нибудь дорогом клубе, когда под тебя пьют пиво и коктейли. Нет! Эти люди пришли, потому что им нравятся мои песни! Они подпевают... Они знают слова моих песен, хотя это чужой для них язык! Они подпевают на моем родном языке! Как передать эти чувства? Французы, поляки, русские, чехи, венгры, финны, голландцы, датчане! Все! Конечно, я счастлив... До мурашек по спине... А еще я купаюсь в их эмоциях, как сегодня. Сегодня мне послали такую волну восторга, драйва. Я стоял как под водопадом! А ещё каждый концерт особенный. Девчонки-фанатки часто выдумывают какие-то сюрпризы, – Зиль восторженно посмотрел на меня. – Однажды напускали воздушные пузыри! Знаешь, такие огромные пузыри из больших обручей и они полетели вверх! Было так красиво! Они еще так переливались в свете прожекторов... Ради этого стоит выходить на сцену. А иногда мне кажется, что они готовы идти за мной как мыши за крысоловом, это пугает и завораживает, я чувствую свою власть над огромной толпой... Извини, я, наверное, просто устал, поэтому раздражаюсь и нервничаю. Я просто забываю, что мы разные, ты просто не знаешь всего.

Чтобы он опять не впал в меланхолию, я предложила:

– Давай договоримся, что сегодня ночью не существует мегазвезды и солиста группы JungeDrachen Зильбе Раммельсберга. Зато есть просто Зиль, который может побыть самим собой, да? – Он с готовностью кивнул. – Тогда я предлагаю тебе на сегодня стать простым туристом, который приехал в мой город на одну ночь, а я буду твоей путеводной нитью. Сейчас заезжаем ко мне домой, переодеваемся, пересаживаемся на мотоцикл и едем кататься по городу. Оставим мотоцикл поближе к Неве и пойдем смотреть разведение мостов, обычно начинают с Дворцового и идут пешком до следующих мостов, на сколько сил хватит. А там уже и утро!

– И весь план?.. – протянул он с недовольной гримасой.

Ну вот опять! Только что он был классным мальчишкой, восхищавшимся Питером, и готовым на авантюры. И опять ничего не нравится. Что не так? Почему? К чему эти хмурые складки на лбу? Чёрт! Вот ведь вляпалась! Мне что всю ночь терпеть его брюзжание? А если я не выдержу и прибью эту зануду, мне много дадут за убийство в состоянии аффекта?

– В чем дело? Тебе что-то не нравится? – как можно мягче спросила я. – Или ты чего-то боишься?

– Да нет. Всё нормально, – произнёс он неопределенно.

– Зиль, с тобой ничего не случится. Ну или можем вернуться обратно.

– Нет возвращаться мы не будем, – решительно сказал Зиль. – И идея твоя мне нравится. Просто, пойми, я все время с охраной, поэтому сейчас мне не совсем... комфортно что ли... Да еще в чужой стране. Про Россию столько всяких баек у нас ходит.

– Мафия, водка и медведи на улицах? – рассмеялась я.

– Да. А что не так? – в голосе сомнение.

Я притормозила и закричала, указывая на небо:

– Ой, смотри! Смотри! Вон, видишь, драконы полетели! Скорее смотри!

– Где? – Зиль прилип к лобовому стеклу. – У вас драконы могут свободно летать? Не вижу!

– Чёрт, я тоже... Не верь всему, что говорят.

Парень смущенно улыбнулся и спросил, переводя тему:

– Ты давно водишь машину?

– Второй год.

– Сама купила?

– Купила сама. А вот деньги на покупку родители подарили на 20-летие, когда узнали, что моя работа связана с постоянными разъездами, в том числе и за город. Инициатором был папа, он у меня очень заботливый. Правда мы сейчас живем в разных городах и даже странах – они с мамой эмигрировали, но я их очень люблю.

Зиль неопределенно кивнул.

– У тебя есть парень?

– В данный момент любимого нет.

– Есть не любимый?

– Можно и так сказать. – Я вкратце рассказала ему про Мишу.

– Такой не считается.

– Какой такой?

– Никакой. Он тебя не задевает, поэтому ты можешь влюбиться в другого, а про него забудешь.

– А я и влюблялась. И романы крутила. И расставалась с изодранной душой. А потом опять: «Завтра встретимся», – я попыталась изобразить каменное лицо Михаила. – А у тебя кто-то есть?

– Надеюсь, ты имеешь в виду девушку? – спросил он с внутренним напряжением и тут же перескочил с темы. – Как это с разодранной душой?

– Это когда человек настолько тебя к себе привязывает, что ты не просто его любишь, а буквально вырастаешь в него. В какой-то момент я даже поняла, что он меня не любит, а наслаждается моей зависимостью от него, но ничего не могла с собой поделать. А ему нужно было поклонение, эмоциональное подчинение. Знаешь, я опустила до того, что он мог мне позвонить после неудачного соблазнения какой-нибудь новой пассии и вызвать к себе. И я бросала все и ехала. На другой конец города, в другой город. Это продолжалось два года. Потом пелена спала с глаз. Мне стало легко и свободно. А до этого я пыталась вырваться и как только пыталась, рвала себе душу.

– Такое бывает. – Он рассеянно смотрел в окно, а мы уже проезжали Аничков мост, я специально сбавила скорость.

– Аничков мост. Украшен скульптурами «Укротители коней», скульптор Клодт. – Я повернула на противоположную сторону Фонтанки и поехала к дому. – Зиль, ты так и не ответил про девушку. Как она реагирует на твои разъезды? Сильно ревнует?

– У меня нет девушки, – сказал он серьёзно.

– Да ладно! – я засмеялась. – Не поверю, чтобы у Зилия Раммельсберга не было подружки!

– Это правда. Ты когда рассказывала о своем друге, как про меня говорила. Я встречался с девушкой, и вроде бы все было хорошо. А потом в какой-то момент между нами возникла пропасть. Ты сейчас про себя рассказывала и я понял, что у нас не было хорошо. Но тогда я этого не понимал. Она могла мне позвонить среди ночи и позвать к себе. Я приезжал, а она не открывала, говорила, что спит. Или пригласит прогуляться, а придёт с подругами. Сейчас я понимаю, что это всё было глупо, по-детски, но тогда меня это разрывало.

– Что ты сделал? Ты же как-то решил этот вопрос? С трудом представляю Зилия Раммеля, который мчится с концерта в Германию по зову девушки, – я улыбнулась, сделав умильную физиономию.

– Написал эсэмэску, что все это было ошибкой.

– Отправил?

– Не помню. Наверное, нет. А может и да. Это было два года назад...

– И что она?

– Не знаю. Я больше ей не звонил. И вообще старался о ней не думать. Мне некогда. Записи... Съёмки... Выступления... Туры... Кажется, она приходила домой к маме... Мама сказала, что не поняла зачем она приходила.

– Знаешь, а я тоже очень занята. У меня учёба, работа, иногда помогаю Марине, как сегодня, а еще нужно с подружками пообщаться и позаниматься, чем-то для души. Поэтому я совсем не страдаю из-за отсутствия постоянного парня. Хотя иногда хочется прийти домой, и чтобы тебе были рады. А потом напоминаю себе, что свободной быть намного лучше!

– Я тоже мечтаю о свободе, – он задумчиво улыбнулся. – Хочу быть вольной птицей и ни от кого не зависеть.

За разговором мы подъехали к моему дому. Я остановилась у бордюрика.

– Вот – мой дом родной. Пойдём.

Зиль сидел, сжавшись в комочек. Потом оглядел дом, набережную, и, не увидев никого, вышел из машины.

– Давай же! Как на сцену, – улыбнулась я. – Только здесь не будет фанаток и софитов.

Я открыла дверь электронным ключом, и мы вошли в парадную. Дом старый, но парадную отремонтировали, поэтому мне не стыдно было приводить сюда иностранцев. Чистый лифт OTIS поднял нас на шестой этаж.

Зиль с интересом все оглядывал: и лестницу, и лифт и площадку перед квартирой, пока я открывала дверь.

Было очень забавно наблюдать, как он исследовал новую территорию. Сначала жался в дверях, как будто прислушиваясь и принюхиваясь, даже носом потянул по-собачьи. Только после этого он медленно перешёл в гостиную – самую первую комнату от прихожей. Принюхался там. Огляделся и присел на краешек дивана, сложив ручки на коленях. Я подглядывала за ним из коридора, параллельно разыскивая в шкафу-купе одежду для прогулки на мотоцикле. Потом Зиль робко встал и подошёл к окну, любясь великолепным видом на Фонтанку и питерские крыши в легких сумерках белой ночи. Затем вышел на балкон и оттуда вернулся неожиданно счастливым.

– Хочешь чай или кофе?

– Можно сок?

– Какой-то был в холодильнике. Холодный подойдёт?

– Подойдёт. Где я могу переодеться?

– Где хочешь. Можно тут, можно в спальне. Вся квартира в твоём распоряжении. Я в ванну. Приму душ и переоблачусь для прогулки! Сок налей сам, пожалуйста. Он в холодильнике. Холодильник на кухне. Располагайся, в общем!

– Знаешь, что мне понравилось у тебя дома? – произнес он мне вдогонку.

– Что? – от любопытства я развернулась.

– Окна занавешивать не надо и можно спокойно на балкон выйти!

– В смысле не занавешивать? – хотела уже сказать, что занавешивать приходится из-за белых ночей, но он меня опередил.

– Можно не бояться, что папарацци заберутся, – пояснил он терпеливо.

– А-а, – понятно протянула я. Хотя мне не было понятно, уточнять я не стала.

Поспешила закрыться в ванной. Включила теплую воду и забралась под душ. И сразу ощутила усталость. Напомнили натруженные за день каблучками ноги и спина. Как продержаться еще несколько часов пешей прогулки? Контрастный душ, конечно, поправил картину и вдохнул сил. Но в голове поплыли картинки мягкой кровати... А может послать Зилья к черту и лечь спать? Или сперва трахнуть его? О нет! Купа бы с удовольствием, а этого не за что. Куп... Эх, Куп! А этот всё-таки какой-то неправильный, ведет себя как... идиот. Куп смелее, активнее, интереснее во всех отношениях. А этот... как девица на выданье. Теплые струи веселым потоком смывали усталость...

Выбралась из ванной. В зеркале отразилась свежая румяная физиономия. Совсем другое дело! Высушила волосы, сделала макияж.

Волосы в высокий хвост, на тельце короткий кожаный топ и кожаные бриджи на низкой талии. Отлично! Для завершения образа вдела в пупок серебряную висюльку с блестящими камушками, а на шею повесила цепочку с кулончиком-капелькой. Надеюсь, ему понравится.

Несмотря на все мои сборы, я надеялась, что Зиль уснул на диване в гостиной. Но мои ожидания опять не сбылись. Когда я заглянула в гостиную, Зиль сидел на стуле одетый и расчесанный.

– Вау! – воскликнул он. – Круто!

– Что? – не поняла я.

– Ты – девушка-байкер! Супер! – он поднял большие пальцы рук вверх и улыбнулся во весь рот.

– Да, я такая! – засмеялась я в ответ и повела бедром.

– Ты, правда, байкер?

– Не то, чтобы... Но иногда катаюсь на мотобайке брата, поэтому прикупила соответствующий прикид.

– У тебя такой пресс! – не прекращал восхищаться мной Зиль, вгоняя меня в краску.

– Наверное, из-за того, что я несколько лет танцами занимаюсь. Особенно люблю восточный танец живота, – я засмеялась и сделала восьмерку бедрами, а потом волну телом как Шакира и тихо пропела:

– Lucky you were born that far away so —

So we could both make fun of distance.

Lucky that I love a foreign land for

The lucky fact of your existence...

– Baby I would climb the Andes solely.

To count the freckles on your body, – неожиданно подхватил Зиль, улыбаясь, и принялся в такт хлопать ладошками. Вместе мы продолжили песню:

– Never could imagine there were only

Too many ways to love somebody.

Lo ro lo le lo le.
Lo ro lo le lo le.
Can't you see...
I'm at your feet
Whenever, wherever,
We'll learn to be together,
I'll be there and you'll be near!⁹

Я пела и выписывала фигуры танца живота, поворачиваясь вокруг себя. Зиль весело хохотал, отбивая ритм ладонями. От веселья Зиль растаял: с него спала маска отстраненного и надменного бога сцены. Я увидела перед собой простого и ранимого мальчишку. Открытый и наивный взгляд, пухлые губы, длинные ресницы.

Оказавшись к Зиллю спиной, сделала трясочку бёдрами и, как положено в танце, кокетливо обернулась на зрителя.

Веселье кончилось. Он сидел на стуле нахохлившись, как ворона под дождём, взгляд отвёл, лицо окаменевшее.

Чёрт! Что опять не так? Да какая мне разница! Я не нанималась его развлекать! Обещала быть его путеводной звездой, вот и проведу по городу. Скорее бы уж сдать его назад Купу!

– Вот тебе защита, – я кинула к его ногам байкерскую одежду брата, которую удалось найти в шкафу. – Надень, пожалуйста, эту куртку вместо своей. Могу еще дать штаны и ботинки, но, боюсь, они тебе будут малы. Брат у меня не такой высокий. Шлем тоже брата, – кинула в него шлемом, который он ловко поймал.

⁹ Счастлива, что ты родился так далеко от меня. Таким образом, мы можем оба смеяться над расстоянием. Счастлива, что я люблю другую страну – счастливый факт твоего существования. Малыш, я бы забралась на Анды исключительно для того, чтобы посчитать веснушки на твоём теле. Никогда не могла и предположить, что есть так много способов любить кого-либо. Ло ро ло ле ло ле. Ло ро ло ле ло ле. Ты не видишь?... Я у твоих ног! Неважно когда, неважно где. Мы предназначены друг для друга (Shakira. Whenever, wherever. Альбом Laundry service, 2002)

6

Через пять минут мы вытолкали из двора моего дома Хонду. Я уселась за руль, Зиль сел за мной и мы понеслись по ночному городу.

Как же здорово было мчаться по городу не на машине, а на байке. Да еще когда за твоей спиной сидит, обхватив тебя за талию и прижимаясь всем телом, не простой седок, а сам Зильбе Раммельсберг! Эх, сколько бы фанатов сейчас хотели бы оказаться на моем месте!

Я усмехнулась: они бы хотели, а я оказалась! Кому рассказать – не поверят.

Мы проехали по Гороховой к Адмиралтейству, подъехали к памятнику Петру I. Времени до разводки мостов оставалось всего ничего. На мотоцикле удалось протиснуться на Миллионную и припарковать Хонду. Надеюсь, за пару часов её не сопрут.

Зиль был в восторге.

– Мотоцикл тоже родители подарили?

– Мотоцикл вообще не мой. Двоюродный брат оставил на сохранение. Вот храню, как умею, – усмехнулась я.

– А брат где? Тоже эмигрировал?

– Он сейчас работает и живет во Владивостоке, – по лицу Зилия я поняла, что он не знает где это.

– Это восток России, на Тихом океане.

– Ого, далеко.

Мне показалось, что он всё равно не знает где это. Да неважно. Сейчас я буду его учить географии Питера и быстро.

Побежали мимо корпусов Эрмитажа и Атлантов. Обязательно нужно сделать фоточку и загадать желание. Нет фотоаппарата – есть телефон. Сделала фоточку, чтобы туда вместе с Зилем попала Александрейская колона, Исаакий и кусок Атланта.

Дворцовая площадь – фоточки с видом на колону, на Эрмитаж, на арку Главного штаба.

Зиль в футболке с логотипом дракона и в солнцезащитных очках ни чем не отличался от тысячи туристов.

Протиснулись через толпу в садике у Зимнего дворца и влились в толпу, с восторгом ожидающую разведения Дворцового моста. Гул как в «Ледовом». Сегодня прекрасная погода. Нет ни ветра, ни дождя, ни туч. Прекрасная белая ночь как у Пушкина.

Зазвучала музыка, кажется гимн города. Но Зилю и тысячам иностранных туристов это неважно. Все, не отрываясь, смотрели на разведение моста.

Фоточка разведенного моста. Фоточка Зилия на фоне разведенного моста. Людей много, поэтому мост получается где-то у него на голове.

От Дворцового по набережной пошли к Троицкому мосту – его разводят следующим. Пошли как парочка. Зиль обнял меня за плечи, я его за талию.

По пути рассказала все, что знала про Петропавловскую крепость и дворцы вдоль набережной. Зильбе восхищается архитектурой Питера.

Развели Троицкий мост. Фоточка с улыбочкой и рожками V на фоне разведенного Троицкого моста.

С набережной свернули на Марсово поле. Подвела к вечному огню, что-то рассказала про российско-советскую традицию. Зиль закивал. Он знал эту традицию, у них тоже такое было. Ах, ну да, он же из Восточной Германии.

На Миллионную за мотоциклом мы возвращались по-прежнему в обнимку. Зиль одной рукой обнимал меня, в другой руке – кожаная куртка, закинута за плечо.

Возле круглосуточного магазина нам преградили путь пятеро парней в кожаных куртках с банками пива в руках.

Оценили меня. Потом Зиля. И обратились с вполне гопническим вопросом:

– Ма-ла-дой чи-ла-век, закурить не найдется?

Мы остановились. Зиль напрягся, я это почувствовала. Он понял, что прямо сейчас ребята выбрали его в качестве развлечения, но лицо удержал. Обратился ко мне, четко выговаривая слова по-немецки:

– Was wollen sie?¹⁰

Я объяснила, что пока просят закурить.

Зиль достал зажигалку, какой-то пластиковый Bic, и протянул обратившемуся парню.

Тот взял зажигалку, закурил. Держа зажигалку зажженной, парень спросил у меня:

– Немец?

Я кивнула, не отстраняясь от Зили.

– И чё ж вам с нашими парнями не спится?

– А я и не сплю, я ему достопримечательности нашего города показываю. Жители Петербурга любят гостей города.

– Нас ты тоже будешь любить? – он как-то мерзко улыбнулся, и я увидела, что к нам за спину зашли двое. – Мы из Ростова тоже гости города.

«Блин, мы влипли» – подумала я, прокручивая в голове, что я смогу расцарапать лицо двум впереди, заднего – каблуком в стопу. Это трое, еще двух мне не перекрыть. Зиль, небось, упадет в истерику и его придется уносить на руках.

В это время парень погасил зажигалку и спросил меня:

– Ну, что пойдешь сама?

– Was will er? Was er sagt?¹¹ – спросил Зиль нервно.

– У, фашист недобитый, – «ростовский» зажал зажигалку в кулак, а кулак поднёс к носу Зили. Зиль выше и парню пришлось тянуть руку вверх.

В это время меня схватили за плечи сзади и потянули от Зили. Я присела, выворачиваясь из захвата, и с силой наступила заднему каблуком на ногу. Он охнул и выпустил меня. Второй задний то же самое попытался проделать с Зилем. Но я уже выпрыгнула из окружения и попыталась увести Зилия.

Что произошло, я не поняла. Успела увидеть, что Зиль как-то странно махнул своей курткой, не снимая её с плеча, делая при этом оборот вокруг себя и проводя ей по гостям города. На миг мне показалось, что он провел по ним когтистым крылом...

Тут же он схватил меня за руку, и мы побежали к мотоциклу.

– Ключи! – крикнул Зиль, я бросила.

Он в несколько прыжков добежал до Хонды и завел её.

Нахлобучивая шлемы, мы рванули в сторону Марсова поля. Оглянувшись, я заметила, что «гости» все ещё лежали на тротуаре. И только тот, которому я наступила на ногу, сидел с обалдевшим видом.

Получили! Патриоты, блин!

Я прижалась к спине Зили. Мне тепло, уютно. И ... надежно. Надежно?

Похлопывая по правой или левой руке, я показывала, куда поворачивать. Зиль нёсся, обгоняя ветер, хорошо хоть из-за его спины я не видела спидометра. Мне показалось, что ведёт он неуверенно. Ощущения меня не подвели. При пересечении Невского возле Аничкова моста, Зиль неправильно сбросил скорость. Мотоцикл подскочил, как упрямый жеребец, затем резко встал на переднее колесо. Зиль сумел завалить мотоцикл, и мы проехали боком практически до библиотеки имени Маяковского.

¹⁰ Что они хотят?

¹¹ Что он хочет? Что он говорит?

Поднялись. Посмотрели друг на друга, попробовали конечности – вроде бы все целое. Оба, прихрамывая на правую ногу, подняли мотоцикл и дотолкали его к бордюру.

Я села и осмотрела свои поломанные ногти, видимо так вцепилась при падении в Зиля, что поломала весь маникюр. Осмотрела порванную на боку куртку и кожаные штаны. Мой мозг постепенно переварил кошмар, который мы пережили, и у меня начался отходняк, я закрыла лицо ладонями и заревела громко и противно.

– Ты чего? – ласково произнес Зиль. – Ты плачешь что ли?

– У меня первый раз такое: хулиганы напали, от хулиганов ушли, в аварию попали, куртку порвала, штаны порвала, ногти сломала, завтра синяки будут.

– В аварии выжили, – Зиль опустил на корточки, прижал меня к себе и стал целовать в лицо. – Не надо. Все уже закончилось. Этот кошмар завтра забудется, ногти новые отрастут. Лучше прежних.

Он взял мои руки в свои, поднёс к губам и коснулся ими кончиков пальцев, каждого ноготка. Губы мягкие и тёплые. Дыханье тёплое. Я стала успокаиваться. Вдруг он до боли сжал кисти, уткнулся головой мне в колени, свернулась так, что выступили острые позвонки на шее, намереваясь прорвать кожу. Отвлеченная острыми позвонками я не сразу поняла, что он содрогается от рыданий. Инстинктивно склонилась над ним, обхватила, накрывая собой. Так мы просидели несколько минут, приходя в себя.

Одновременно выпрямились и уселись на бордюр бок о бок, и ещё несколько минут сидели в тишине. Я окончательно успокоилась и почувствовала, как прошла его дрожь.

– Я хочу извиниться, – тихо и очень неуверенно прервал Зиль наше молчание. – Я обманул тебя.

– Ты о чем?

– Я не умею водить мотоцикл. У меня даже прав нет. Мы с Купом только недавно стали брать уроки по вождению байков.

Мы взглянули друг на друга и засмеялись.

– Тогда с тебя оплата ремонта. Это ж Хонда – она дорогая.

Сверху начало накрапывать. Мы одновременно уставились на небо. Еще недавно чистое, теперь оно было затянуто чёрными тучами.

– Надо где-то спрятаться.

Мы поспешно подняли Хонду и потолкали к ближайшей подворотне.

Тяжелые капли – кляксами разбивались об асфальт. Их становилось больше и вскоре они превратились в струи, которые текли по нам и под нами. Мы докатили Хонду до подворотни. К тому моменту, когда мы оказались под укрытием, я была мокрой насквозь. Зиль тоже вымок.

Я скинула куртку. Он наоборот застегнулся. Капли стекали у него по лицу, по волосам и куртке. Волосы повисли черно-белыми сосульками. Он нахохлился и передергивал плечами, как будто согреваясь. Я, наверняка, выглядела не лучше. Мы переглянулись и рассмеялись. Несколько минут хохотали и не могли остановиться. Также внезапно перестали смеяться и замерли друг перед другом.

Секунда и мы обхватили друг друга, обнялись, прижались. Подбородок Зиля уперся в мою макушку. Я растегнула молнию на его куртке и уткнулась носом ему в грудь. Мне показалось, что мы стали ближе после этих происшествий, роднее... Между нами возникло единение.

– Почему ты такая маленькая? – спросил удивленно. – Мне казалось, ты выше.

– Потому что сейчас я стою без каблуков: каблуки на сапогах пали смертью храбрых один в битве с гостями города, второй при аварии.

– Значит и здесь я должен, – констатировал Зильбе.

– За это не должен. Сапогам давно было пора на свалку, а так хотя бы погибли героически, – уверила я парня, стараясь не думать о том, что сапожки были новые, дорогие и удобные.

– Хоть что-то... – буркнул хмуро. – До твоего дома еще далеко?

Я ответила нечто неопределенное и тут губ что-то коснулось. Аккуратно и осторожно, словно спрашивая разрешения. Дотронулось и чуть задержалось. Он меня поцеловал... – осенило уставшую головушку. Мой язык слегка лизнул его в ответ. Он всосал мою нижнюю губку и тихонечко прикусил ее. Пришлось проделать то же самое с его верхней губой. По зубам прошелся требовательный язык, встретился с моим...

Каждый его поцелуй проливался на меня невозможной нежностью, разливался по телу удивительной теплотой. Мы просто целовались, пробуя друг друга на вкус. Его ладони обхватили мою голову, мои – покоились на его пояснице. Никаких лишних движений. Иногда он отрывался, чтобы посмотреть в мои глаза, смахнуть с лица прилипшие пряди или чуть потереться носом о нос, а потом опять припадал к губам, не в силах оторваться.

Сколько мы так простояли, я не знаю, но услышала, что шум дождя уменьшился.

– Пошли, попробуем прорваться через муссон, – усмехнулась я.

Выкатили Хонду на дорогу. На мою попытку завестись мотоцикл отозвался с первого раза. Ура!

Через десять минут мы были в моей квартире.

Мегазвезда германской поп-музыки была отправлена в ванну греться и мыться.

Пока он отмокал, я заказала пиццу, постелила на диване в гостиной, а его вещи отправила в стирку.

Через полчаса, когда Зиль покинул ванну и переместился на кухню, его дождался ароматный чай и пицца, которую по случаю ночного заказа привезли быстро. Теперь он сидел передо мной в черном кимоно с огромным драконом на спине, вышитым вручную. Чуть раскосые глаза, черные мокрые волосы, закрученные в кичку наверх, тонкий, гибкий и... очень красивый. Вылитый бисёнен, герой аниме!

Зиль тоже разглядывал меня с блуждающей улыбкой на губах.

– Чай, – я прервала любование и пододвинула к нему чашку.

Он кивнул, и капельки сорвались с кончиков волос, упали на тонкий шелк, оставляя темные пятнышки.

– У тебя сигареты есть? – спросил он тихо, словно таясь от старших.

– Есть, – так же тихо отозвалась я.

– Неси.

– Алкоголь захватить? – хитро прищурилась я.

– У тебя есть? – удивленно.

– А как же!

– Неси!

– Пойдём, выберешь.

Мы рванули к минибару в гостиной. Зиль ахнул, увидев несколько рядов бутылок разных форм и размеров.

– Так выглядит бар непьющего человека, – засмеялся он.

– Я не говорила, что не пью. Это ты святая икона для миллионов подростков: не курю, не пью, наркотики не употребляю, сексом не занимаюсь, – съязвила я.

– Наркотики я и, правда, не употребляю, потому что они мне не понравились, а вот табак и спиртное – иногда позволяю, – он произнёс это с таким видом, как будто давал интервью на телевидении.

Я захохотала.

– Ой, у тебя есть ром! – восхитился Зиль и вцепился в бутылку с бородатым пиратом.

– Да, вот уже полгода стоит. Девчонки притащили на Новый год, а пить не стали.

– Можно? Я люблю ром.

– Вау, ты пьешь белый ром?! Он крепкий. Девчонки уверяли, что привезли с Карибских островов.

– После всего, что с нами сегодня случилось, очень хочется выпить рому и покурить.
– Говорят, что белый ром нужно чем-нибудь разбавлять. У меня есть ликеры. Вот, например, неплохой и крепкий, – я показала на бутылку с красным эстонским ликером, на наклейке которого был изображен бойкий петушок.

– О, давай! – подхватил обе бутылки и прошествовал на кухню.

– Тебе что-нибудь понадобится для приготовления божественного пойла?

– Фужеры! Будем делать слоеный коктейль... Если я только помню, как он делается...

– Так ты ни разу этого не делал?

– Зато много раз видел!

Я выставила на стол фужеры. Зиль ловко наполовину наполнил их ромом. Затем взял эстонский ликер и также решительно плюхнул в первый фужер, заполняя до краев. От резкого вливания слоёв не получилось, но Зиль это не смутило, и он принялся наполнять второй фужер. Я посмотрела на розовую жидкость в фужере и вспомнила, что ликер более 40%.

– Зиль, – робко сказала. – Я такое не пью! Давай ты первый!

– Я для кого делал?

– Ну, пожалуйста! – сложила ладони вместе и умоляюще посмотрела.

Он надул губы, но взял фужер, чуть-чуть взболтал и одним махом опрокинул в рот! У меня аж дыхание перехватило! У него тоже. Глаза вылезли из орбит, рот раскрылся, хватая воздух. Я сунула ему под нос кусочек пиццы:

– Нюхай! А то весь кайф пропустишь!

Зиль сделал глубокий вдох и откинулся на спинку стула с блаженным видом.

– Хорошо-то как! – он потянулся. – Мир такой прекрасный вокруг. Попробуй, – он указал на мой фужер.

Я, чтобы не портить момент, отхлебнула большой глоток. Пищевод обожгло, из глаз брызнули слёзы, воздух кончился. Теперь он сунул мне под нос кусочек пиццы. Сделала глубокий вдох и почувствовала, как тепло разливается по телу, принося расслабление.

– Хорошо? – переспросил Зиль. И утвердительно: – Хорошо! Жизнь вообще прекрасна!

– По сигаретке для закрепления эффекта?

– Конечно!

– Пойдём на балкон. Не люблю, когда в квартире пахнет куревом.

Мы вышли на балкон и закурили.

– У вас всегда так светло ночью? – Зиль сделал затяжку и оглядел город.

– Только летом. С конца мая и до конца июля. В августе уже наступают тёмные ночи. Так что ты попал в сезон белых ночей.

Не успели мы выкурить по сигарете, как с неба опять хлынул поток воды, будто ждал нашего появления.

Зиль притянул меня к себе, поставил впереди. Раскинул руки и запел на немецком:

Das Fenster öffnet sich nicht mehr

Hier drin ist's voll von dir – und leer

Und vor mir geht die letzte Kerze aus

Ich warte schon ne Ewigkeit

Endlich ist es jetzt soweit

Da draußen ziehn die schwarzen Wolken auf¹²

Алкоголь да с сигареткой на пустой желудок мгновенно подействовали на мою головушку. Я тоже раскинула руки, перед глазами все расплывалось и качалось – полное ощущение полёта. На нас обрушился ветер с ливнем. Чем не полёт через муссонный дождь?!

¹² Окно больше не открывается. Здесь внутри всё заполнено тобой – и пусто. Передо мной гаснет последняя свеча. Я жду уже вечность, Наконец-то пришло время, И на улице надвигаются чёрные тучи

Ich muss durch den Monsun
Hinter die Welt

...

Denke ich daran
Irgendwann laufen wir zusammen
Durch den Monsun
Dann wird alles gut¹³

Голова от «полёта» закружилась и я повернулась к Зилю, обняла и прижалась, уткнувшись лицом ему в грудь. Он пел, его голос был не сильным и не звонким, но при этом глубоким, как будто он извлекал звук всем телом. Песня разносилась над Фонтанкой, звучала громче дождя, резонировала с водой и отражалась от домов. Его тело стало горячим.

Ein halber Mond versinkt vor mir
War der eben noch bei dir?

...

Am Abgrund entlang
Und wenn ich nichtmehr kann
Denke ich daran
Irgendwann laufen wir zusammen
Weil uns einfach nichts mehr halten kann
Durch den Monsun
Hey...Hey...¹⁴

Раскат грома. Я зажмурилась и еще крепче прижалась к Зилю.

Ich kämpf mich durch die Mächte
Hinter dieser Tür
Werde sie besiegen und dann
Führ'n sie mich zu dir
Dann wird alles gut
Dann wird alles gut
Wird alles gut
Alles gut...¹⁵

Когда я подняла голову и взглянула в его глаза, в них полыхали костры, а зрачок из круглого стал вертикальным, как у кота. Его распростертые руки казались крыльями. Волна его силы прошла сквозь меня и покатила над Питером, по Фонтанке, многократно отражаясь от воды, стекая в Неву и дальше, дальше – в Финский залив.

Ich muss durch den Monsun
Hinter die Welt
Ans Ende der Zeit
Bis kein Regen mehr fällt

...

Weil uns einfach nichts mehr halten kann

¹³ Мне необходимо преодолеть муссон, На край света, На исходе времени, Пока не прекратится дождь. Навстречу буре, По краю пропасти. А если я больше не смогу, я подумаю о том, что однажды мы будем бегать вместе, Преодолевая муссон, Тогда всё будет хорошо.

¹⁴ Передо мной тонет полумесяц, Он только что был перед тобой? Неужели он выполнит то, что мне обещает? Я знаю, что могу тебя найти, Я слышу в урагане твоё имя, Я ещё больше верю в то, что не могу верить Мне необходимо преодолеть муссон, На край света, На исходе времени, Пока не прекратится дождь. Навстречу буре, По краю пропасти. А если я больше не смогу, я подумаю о том, что однажды мы будем бегать вместе, потому что нас просто уже ничто не сможет остановить, Преодолевая муссон. Эй... Эй...

¹⁵ Я борюсь с силами За этой дверью. Они будут побеждены И приведут меня к тебе. И тогда всё будет хорошо. Тогда всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Всё хорошо.

Durch den Monsun
Dann wird alles gut
Dann wird alles gut
Alles gut...¹⁶

Я смотрела на него как зачарованная. Он наклонился и обнял меня.

– Alles gut! – прошептал он мне в макушку, подхватил на руки и занёс в комнату. Его зрачки круглые, а глаза темно-медовые.

– Что это было?

– Песня «Муссон». Мы тебе её уже сегодня пели.

– Да, я помню – на английском языке. Но там слова другие и поэтому смысл меняется.

И... и почему бежать, преодолевая муссон?

– Ну, да. Лететь было бы правильной. Но это же для людей. Поэтому бежать.

– Ага, – сказала я, – понятно...

Пока мне было понятно только одно, что, если сегодня, прослушав хит в исполнении группы, я умилялась его эксклюзивностью, то после пения Зиля, эксклюзивность я прочувствовала на себе, и город прочувствовал. Наверняка будут последствия, знать бы какие...

¹⁶ Мне необходимо преодолеть муссон, На край света, На исходе времени, Пока не прекратится дождь. Навстречу буре, По краю пропасти. А если я больше не смогу, я подумаю о том, Что однажды мы будем бегать вместе, потому что нас просто уже ничто не сможет остановить, преодолевая муссон, Тогда всё будет хорошо. Тогда всё будет хорошо. Всё хорошо... (Durch den Monsun. Tokio Hotel. 2005)

7

Вода стекала с нас струйками. Это надо же так умудриться и оказаться под ливнем дважды за ночь!

Притащила полотенца и мы, хохоча, принялись растираться досуха, а потом намотали на головах махровые тюрбаны и уселись на мягкий пушистый ковёр в гостиной.

Чтобы согреться, я принесла из кухни фужеры, ром и колу. Расставила на полу рядом с ковром.

– А почему не ликер? – капризно спросил Зиль.

– Не-е, я второй раз такого пойла не выдержу, да и у тебя завтра, то есть сегодня, непростой день. Так что отделаемся ромом с колой. Кстати, это любимый русский коктейль.

Поставила фужеры на пол и наполнила сначала до половины ромом, а потом доверху колой.

Зилю коктейль понравился, но сказал, что с красным петухом было бы лучше. Он попросил повторить и после второго, то есть уже третьего, фужера нас развязало на разговоры.

Мы говорим обо всем! Оказалось, что у нас много общих тем. Мы вспомнили, какие проделки устраивали в школе. Потом Зиль рассказал о забавных случаях во время концертов и на гастролях.

– Еще по коктейлю! – объявил Зиль и через меня полез за колой и ромом.

Его тюрбан раскрутился, и полотенце соскользнуло на меня. Я захихикала, попыталась скинуть с себя большое полотенце, толкнула Зилю. Он рассмеялся и свалился лицом на мою грудь. Чуть поерзал, хихикая, но все-таки приподнялся надо мной на четвереньки, дотянулся до бутылки и наполнил фужер ромом до половины. Затем дотянулся к бутылке с колой и заполнил фужер до краёв. Пока он тянулся за колой, я взяла свой фужер и, не заметив, что он уже налил колу и поднял свою емкость, резко развернулась, чтобы подставить ему свой фужер.

В результате я боднула его головой под локоть, успела чуть отстраниться, когда содержимое его фужера и частично бутылки с колой разлилось на меня, мой халатик и ковёр.

Я откинулась на пол, хохоча и чувствуя, как по животу растекается липкий напиток.

От возни халатик и так задрался, а теперя еще и мокрая материя облепила животик. Я почувствовала, как капли стекают в пупочную впадинку.

Зиль застыл надо мной на коленях и заворожено смотрел на моё влажное тело.

– Подай, пожалуйста, полотенце, – сквозь смех попросила я, напрочь забыв о своём тюрбане. – Это нужно срочно вытереть, иначе я вся слипнусь!

Зиль чуть улыбнулся, в глазах появились лукавые искорки. Он приподнял бутылку колы и... вылил остатки на моё тело. Я инстинктивно втянула живот. Струйки скатились в пупочную ямку, заполняя её. Зиль наклонился и выпил содержимое, касаясь кожи языком. Я тихо застонала от неожиданного возбуждения. Мальчику понравилось. Он повторил, стряхнув остатки колы, буквально несколько капель. Затем нежно собрал их губами, обжигая кожу горячим дыханием. Я снова застонала и чуть выгнулась. Он робко заскользил пальцами вверх к краю влажной материи, уперся в складочку, скользнул по контуру, выдавливая из меня стон за стон. Помедлил и, аккуратно приоткрывая тело, запустил руку под мокрый халатик и направил вверх. Медленно, робко, по сантиметру, как исследователь... Не понимая, что уже довел меня до сильного возбуждения. Прикусила губу и удержала себя от решительных действий, позволяя мальчику поиграться. Мне стало любопытно, как далеко он зайдёт.

Зиль уже откинул полы халатика и стал рассматривать открывшееся тело с видом голодного, который, оказавшись возле огромного и вкусного блюда, не знает, с какого боку его начать есть. Он плотоядно облизнулся и, захватив сосок мягкими губами, вцепился в него зубами. Я закричал:

– Ты что офонарел? – столкнула его с себя и тут же громко рассмеялась, увидев его испуганное лицо. – Ты питаешься своими девушками? – с напускной суровостью спросила я.

– Нет-нет! Что ты! Мы никогда! Случайно вышло. Он... Он так аппетитно торчит... – поспешно затараторил Зиль.

– Что? Кто? – я уже рыдала от смеха. Это не вероятно!

– Сосок, – пряча глаза, ответил Зиль.

Я меня скрючило от хохота. Зиль, глядя на меня, тоже рассмеялся. Мы хохотали несколько минут, не в силах остановиться.

Он все еще смеялся, а я села и загляделась на него: зажмуренные глаза, слёзки, сползающие к вискам, мимические морщинки на щеках и в углах глаз. Какой же он сейчас настоящий, милый, веселый, забавный и ... чистый. Да, удивительная чистота и искренность.

– Придется объяснить, что нужно и можно делать с сосками, – строго произнесла я, посмотрела ему в глаза, а руки уже уверенно распахнули его халат.

Зиль прекратил ржать и уставился на меня почти голую. На губах робкая улыбка, а в глазах испуг... Он что меня боится? Бред! И вдруг меня пронзила внезапная догадка. Этого просто не могло быть! Чтобы секс-символ для миллионов девчонок... Объект вожделения, по которому льют слезы, фотографии которого целуют, которого хотят все... И был дев... Я откинула мысли.

Пальчиком провела по его груди. Он замер, затаил дыхание. Улыбка застыла на всё еще счастливом лице. Я обвела пальчиком сначала один сосок, затем второй. Один прихватила губами, второй потёрла между указательным и большим пальцами. Поменяла соски и, взяв сосок губами, легонько всосала его, а затем чуть прикусила. Из его груди вырвался легкий стон. Он прикусил свою кисть. Боже, да что же это?

– Если тебе неприятно или ты не хочешь, скажи, – спросила отстраняясь.

Он приоткрыл глаза, залился румянцем и выдохнул:

– Х-хочу...

– Тогда расслабься...

Наклонилась и, касаясь обнаженной грудью твоей груди, провела языком от тонкой шеи до мочки, прихватила её губами. М-м-м, такая небольшая, аккуратная. Облизала, прошептала, что-то ободряющее, обдавая дыханием щеку и шею. Как награда за старания – легкий стон в ответ. Цепочкой мелких поцелуев добралась до прикрытых век. Прихватила губами пушистые ресницы. Сначала на одном глазу, потом на другом. Засмеялась и уткнулась носом в кончик его носа. Из этой позиции заглянула в твои темно-медовые глаза. Оба рассмеялись.

Наконец, мой язык добрался до твоих губ. Облизала. Ты ответил, поймал мои губы, обхватил язык. Я легко вырвалась из плена твоих губ и скользнула к шее, к ямочке между ключицами. И снова грудь. Обхватила сосок губами, втянула и прикусила. Ты застонал, слегка выгибаясь. А я продолжила спускаться вниз, покрывая поцелуями твое тоненькой, изрисованное татушками тело. Мои руки блуждали по тебе, глядя и лаская, замерли у резинки трусов, словно ожидая твоего одобрения. Погладила кожу над резинкой, чуть проникая под неё, посмотрела на твою реакцию.

Ты запрокинул голову, явно получая наслаждение. Твои руки попытались ласкать моё тело, остановилась на бедрах у кружевной резинки стрингов. Твои ладони, словно повторяя мои действия, стали осторожно поглаживать поясницу и бедра, не решаясь проникнуть дальше. И вот я проникла рукой под резинку твоих трусов, натолкнулась на влажную головку члена и быстро убрала. Положила поверх трикотажа, ощущая до предела возбужденную плоть. Чуть сбавила напор, чтобы все не кончилось раньше времени.

Переключила свое внимание на твой живот. Подула в пупочную ямочку. Ты захихикал. Я поцеловала, а потом несколько раз провела внутри языком. Услышала твой стон. Мелкими поцелуями опустила к тату-звезде внизу твоего живота. Облизала каждый лучик, отстрани-

лась и подула. Ты застонал, а твоя кожа покрылась мурашками. Моя рука вернулась к твоему возбужденному паху. Нежно обхватив член через трикотаж, я принялась ласкать тебя вверх-вниз, чуть сдавливая, и плавно подводя тебя к грани. Твое дыхание участилось, ты уже готов. Осторожно высвободила член из плена материи. Ты, помогая мне, приподнял бедра, чтобы освободиться от белья. Поцеловала головку, обхватила её губами. Пока не сильно и не глубоко, наслаждаясь твоим запахом и вкусом. Ты откинулся назад, полностью отдаваясь удовольствию, отдаваясь мне. Ты уже не стонал, а кричал, вцепляясь в мои плечи ногтями, выгибаясь навстречу моим движениям... Какой ты гибкий и красивый. Что же будет дальше? Стоп! Ого! Вот этого нам не надо! Сейчас не надо. Сбавила темп. Бросила готовый вот-вот излиться член под твой обиженный вопль. Да, милый, ты же не хочешь, чтобы все так быстро закончилось. Перебиралась к лицу. В тебе не осталось больше робости. Твои губы жадно впиваются в мои. Одна рука, наконец-то, настойчиво попыталась содрать с меня трусики. Вторая – царапнула спину. Твоя рука скользнула вниз, в промежность. Ты удивлен, что я такая мокрая? А как ты думал, милый? Хочу тебя. Сильно хочу. Но продолжаю дразнить, играюсь – трусью об обалдевший от впечатлений член, не пускаю внутрь. Кажется, что ты сейчас сойдешь с ума. Ты готов меня порвать, покусать, испарпать... Хорошо, хорошо... Аккуратно села на член, не позволяя тебе сделать это быстро и резко. Хочу, чтобы ты чувствовал меня, наслаждался мною. Начала медленно двигаться. Тебе не нравится этот темп. Ты мечешься подо мной. Уверен? Держись. Резко, сильно, агрессивно, до дикой боли в животе. Ты отключился от реальности, укусил меня между шеей и плечом, до крови, и принялся облизывать ранку. Я закричала, не замечая, что сама укусила тебя за шею.

Ты зарычал и резко перевернул нас. На твоём лице удивление и растерянность. Не знаешь, как быть дальше? Я подсказала, задвигав под тобой бёдрами, задала темп.

Ты все правильно понял. Ты поймал мой темп, но через несколько секунд перехватил инициативу и задал свой, убыстряясь и вминаясь в меня глубже и глубже. Сладкий спазм охватил мышцы живота. Сознание почти отключилось. Мои стоны стали громче и перешли в крик. Держась на краешке сознания, я прошептала:

– Стоп! – с силой обхватила ногами твои бедра, обняла плечи руками и приникла к тебе всем телом.

Но ты не услышал, или не понял, или не захотел, или не сумел... Наоборот принялся двигаться ещё быстрее, намереваясь пробить меня насквозь. Тело свело в конвульсиях удовольствия. Я выгнулась, запрокидывая голову и стискивая мышцы влагалища. Ты на секунду остановился, разглядывая, как я кончаю. И в тот же момент излился тугой струёй. Влажный от пота, с громкими стонами повалился на меня, хватая воздух ртом. Наши сердца колотились друг об друга, продолжая удерживать наш общий ритм.

Ты уткнулся лицом мне в шею, облизывая и что-то бормоча, но я не понимала. Мне было хорошо. Очень хорошо. Прижалась к тебе сильно-сильно, стараясь слиться с тобой в одно целое. Нежно поцеловала в губы, ощутив вкус крови. Моей?

– Боже, это невероятно! Ты... ты восхитителен... – мне казалось, я это прокричала, а на самом деле прошептала ему в ухо.

– Правда? – в голосе удивление. – Тебе понравилось? – Зиль перекатился с меня на ковёр, одной рукой обнял, а второй подпер голову, пристально заглядывая в глаза.

– Что ты говоришь? – переспросила я, мне трудно еще сосредотачивать внимание на разговоре.

– Я спросил, понравилось ли тебе?

– Да, да, да! Ты невероятный, восхитительный, замечательный! – приподнялась на локте и чмокнула в щеку.

Он просиял.

– А тебе? – спросила я робко, лстя его мужскому самолюбию.

Зиль прижал меня к себе, ласково поцеловал в губы.

– Ты самая лучшая...

Мы перебрались на диван, обнялись и укутались одеялом, наслаждаясь теплом друг друга. Я потихоньку отплывала в страну Морфея, но одна мысль не давала мне спокойно уснуть.

– Зиль, – вынырнула я из дрёмы.

– М-м-м, – пробубнил он.

– Скажи, почему ты боялся... э-э-э... м-м-м... отношений?..

– Секса? – рассудочно спросил он.

– Да.

– Ты не восприняла эту информацию правильно, хотя Куп тебе сегодня признался. Мы драконы. Когда испытываем сильные эмоции, то способны к трансформации. Поэтому... э-э-э, в общем, у нас все получилось, что об этом говорить, – и он снова меня поцеловал.

– Опять ты прикалываешься, – полусонно промурлыкала я.

Чтобы ты не наговорил еще какой-нибудь ерунды, я торопливо заткнула твой рот поцелуем. Не хочу больше ничего слышать. Надеюсь, что эти несколько часов, проведенные со мной останутся светлым пятном в твоих воспоминаниях. Хочу, чтобы ты забыл о своих страхах и навязчивых идеях. Втемяшил себе в голову какие-то глупости про драконов...

Мы еще долго ласкали друг друга, изучая сокровенные места.

Зиль отключился около шести часов утра, обмякнув прямо у меня на груди. Казалось, что он старался не только наверстать упущенное, но еще и назаниматься любовью впрок. Такого обалденного секса у меня давно не было. Скорее всего, вообще не было. Все мои крышесносные сексы померкли и уползли в угол поскуливая.

Тело получило разрядку и при этом невыносимо болело, особенно самая рабочая часть. Если там можно натереть мозоли, то мы это сегодня сделали. Внутри страшно саднило, тянуло и дергало. И одновременно я прибывала в блаженной неге и погружалась в сон, ощущая запах Зилия и слушая его спокойное, глубокое дыхание. Как жалко, что через час это волшебство закончится... Мне вдруг страстно захотелось, чтобы утро никогда не наступило, чтобы всегда длилась эта ночь, подарившая мне этого мужчину...

Я потеряла татушку на его плече, какой-то нелепый дракон (опять дракон!) с рыбьим хвостом и поднятыми вверх крыльями. Прижалась губами к ключице Зилия и положила руку на его плечо с драконом. Засыпая, я почувствовала, что мою руку от предплечья до плеча что-то щекочет, как будто какое-то крупное насекомое пробежало. На уровне лопатки я его прихлопнула и провалилась в сон.

Я проснулась с первым гудком будильника, выключая, чтобы не разбудить своего красавца, нежно поцеловала в губы. Он улыбнулся не просыпаясь. Осторожно выбралась из его объятий и из-под одеяла. Он проворчал что-то недовольно. Тихонько отправилась в душ.

Взбодрив себя тугими струями воды, взялась за утренние хлопоты: приготовит завтрак, погладит Зилькину футболку.

Завтрак оказался уже почти готовым: у нас осталась больше половины пиццы. Чудненько! Так, теперь сварить кофе и будет нам счастье! Интересно, Зилию много надо времени на сборы? Хотя вчера он очень быстро собирался и в гостинице и перед прогулкой.

Я насыпала кофе в турку, залила водой и поставила на плиту. Решила добавить немного корицы, она тонизирует, и гвоздики. А вдруг Зиль не любит кофе со специями...

Из коридора донеслось шлёпанье босых ног. Зиль в одних трусах-боксерах появился на кухне.

– А я халат не нашёл, – по-простому заявил он, освещая кухню улыбкой.

– Доброе утро! – улыбнулась я в ответ. – Ты меня опередил. Я хотела тебя разбудить, подав кофе в постель.

Он обнял меня сзади, поцеловал в шею.

– М-м-м, кофе в постель? Романтика... Прости, я тебе такой засос поставил, – он нежно приложился губами к раздувшемуся синяку от укуса.

– Ты сорвал такой романтический план, соскочив раньше, – я откинула голову ему на плечо.

– Я проснулся, а тебя нет... Я испугался, что это был всего лишь сон. – Он губами обхватил мочку моего уха.

– Куда же я денусь от тебя? – промычала, теряя самообладание от его прикосновений.

– В страну снов и мечт, – он взял в ладони мои груди. Я ощутила, как внизу живота сжимается комок желания.

В этот момент зашипел убежавший кофе. Мы оба подпрыгнули от неожиданности. Я быстро сняла турку с огня и отставила в сторону.

Зиль тут же притянул меня к себе, разворачивая и не отрываясь от поцелуев.

– Сколько у нас времени?

– Немного...

– Тогда кофе выпьем потом в гостинице...

– Зиль, у нас очень мало времени...

– Минут пятнадцать есть?

– Не уверена, что ты уложишься, – хитро произнесла я.

Не успела я опомниться, как Зиль меня подхватил и усадил на стол. Я обняла его ногами, распахивая халатик. Он принялся нежно покрывать моё тело маленькими короткими поцелуями, чуть покусывая кожу... Я откинула голову и застонала. В этот момент он резко вошел во всю длину. Я вскрикнула, выгибаясь ему навстречу. Он двигался то резко, сильно и агрессивно, когда казалось, что член сейчас пробьет матку, то ласково и аккуратно. Возбуждение то нарастало, и я кричала, теряя контроль над собой, то вновь спадало, и я стонала от этих щекочущих толчков, сильнее прижимаясь к нему, боясь упустить, выпустить... Наконец, он сделал завершающий сильный и глубокий толчок, замер и я почувствовала как напряженный член пульсирует во мне, изливаясь... Мы закричали вместе.

Такого сильного оргазма я никогда не испытывала. Кажется, это называется мультиоргазм. Мы обмякли в объятиях друг друга.

После того как сознание возвратилось к нам, Зиль поднял меня на руки и уселся на табурет, блаженно откинувшись спиной на кухонный пенал. Я обхватила его за плечи, прижалась к щеке. Он поглаживал меня по спине и вдыхал мой запах.

– Я бы хотел целый день провел вот так. Мы бы включили режим: постель, еда, телевизор и секс, – последнее слово он произнёс с придыханием.

– Нет! Не так! Постель, секс, еда и телевизор!

– Точно! Так намного лучше! – поцеловал в щеку, скользнул по шее. – Может, провернем этот фокус с валянием в постели целый день? Мы же можем прямо отсюда поехать на пресс-конференцию к двенадцати часам. Это, конечно, не целый день, но всё же...

– Можно... Но тогда мы сильно подставимся сами и подставим Купа.

– Да... Верно. Купа подставлять нельзя, – он вздохнул. – Если Ост узнает, скандал будет серьезный. Выкатит штрафы по контракту. Но до этого растерзает.

– Нет, сначала меня Марина растерзает. Я же нарушила главный запрет: никакой постели с нашими клиентами. Ой, мне уже страшно, – потёрлась носом о его шею и захихикала.

– Ладно, не будем рисковать нашими жизнями, – засмеялся Зиль. – Объясни, почему мы куда-то потащились ночью? У нас было бы столько часов вместе...

– Ну, во-первых, я пригласила тебя на прогулку по городу. Помнишь? Во-вторых, я думала, что вообще не интересую тебя. Да и ты, признаться, меня не заинтересовал.

На его лице промелькнула череда эмоций: удивление, раздражение, обида. Он отвернул лицо и надул губы. Я попробовала поцеловать в надутые губки, он увернулся и прогнусил:

– Ты хотела перепахнуться с Купом? Я видел, как ты вокруг него крутилась, как флиртовала. В гримерки перед концертом это было так явно.

– Это было уже после того, как я услышала спор Купа с Матисом. Куп заявил, что легко со мной переспит на желание. Меня это очень обидело. Ему не важна я, мои чувства. Ему лишь бы поставить засос, чтобы потом требовать с Матиса какую-нибудь фигню. Мне кажется, это унизительно и для него и для меня.

– Чтобы отомстить ему, ты пригласила меня?

– Нет, Зиль. Идея показать тебе город появилась неожиданно. К тому времени я уже перестала злиться. После концерта мне захотелось сделать для вас что-нибудь хорошее, запоминающееся. А прогулка по Питеру во время белых ночей всегда запоминается, – выдержала паузу. – Скажи, ты пошел со мной ради предполагаемого секса?

Он на мгновение задумался. Потом покачал головой и неожиданно сказал:

– Кажется, я придумал новую песню. Она будет о нас.

– Здорово! Спой!

– Сейчас не получится, – рассмеялся. – Она только что зазвучала в голове. Я почувствовал мелодию, увидел слова, но их ещё нельзя сказать, они пока в мыслях... Ты меня понимаешь?

Кивнула с улыбкой.

Он нежно посмотрел в глаза, запустил пальцы в мои волосы на затылке и серьезно произнёс:

– Ты удивительная, волшебная – такие бывают только в сказке.

Я рассмеялась.

– Сказки заканчиваются. Пойдем в душ. Наше время истекло, – сказала я, сползая с его колен, и тут же вспомнила старый фильм «Золушка». Там тоже объявляли: «Ваше время истекло». Потянула его за руку.

Он ослепил меня улыбкой:

– Душ – это здорово! В нём тоже можно любовью заниматься!

– Зиль!

Он подскочил с табуретки, подхватил меня на руки и перенёс в душ, где мы опять наслаждались друг другом под тёплыми струями воды.

Потом пока Зиль приводил себя в порядок, я снова сварила кофе, подогрела и порезала остатки пиццы.

Зиль вошёл в кухню расчесанный и румяный. Глаза блестят, взгляд необычный. Он сел за стол и заметил, что я сижу на стуле на одном полупопии, подложив ногу.

– Больно? – сочувственно спросил.

– Да так, – неопределённо ответила я.

– Извини. Тебе этой ночью от меня досталось...

– Это точно. Такого количества ссадин и синяков у меня не было со времен моего детства, когда мы с братцем лазили по гаражам. О бедре я даже молчу. И главное, мне даже не похвастаться, что мне их наставил Зильбе Раммельсберг.

– Это точно. Если ты расскажешь, что ты получила синяки из-за меня, то станешь врагом номер один для наших фанаток.

– О нет! Тогда я буду молчать об этой ночи как рыба. Не хочу, чтобы фанатки меня прикопали.

Зиль повторил вчерашний трюк: взял мои руки в свои и поцеловал каждый пальчик. Сколько нежности. Я наполнилась его нежностью. Он поглядывал на меня и жмурился совсем

по-кошачьи и даже глаза такие... кошачьи. Стоп?! Вертикальный зрачок? Чушь! Фу! Нормальные глаза...

– Нам пора. Мы и так задерживаемся, – я с сожалением вырвалась из кокона его нежности. – Поехали.

– Да-да, Ост может обнаружить наше отсутствие.

8

До гостиницы мы домчались за 30 минут – Московский включил «зеленую волну».

Зиль всю дорогу набирал брата, но Куп был недоступен. Зиль начал злиться.

– Зи-иль, – протянула я, переключая его внимание от телефона. – Что ты хочешь от Купа? Чем он нам поможет?

– Мы же договаривались, что я позвоню, когда мы будем подъезжать, и он выйдет нас встретить в холл! Он отключил телефон! Что-то случилось! Наверное, Ост узнал, что я сбежал!

Ну вот, только истерящего Зиля мне не хватало...

Я подогнала машину как можно ближе к служебному входу. У меня проходка переводчика, у Зиля ключ от номера, поэтому вопрос с попаданием в гостиницу мы сможем решить.

К моему удивлению возле служебного входа стояли несколько девушек из фан-клуба. Что они здесь делают с утра пораньше?

Посмотрела на Зиля. Он побледнел и принялся нервно натягивать бейсболку на лицо. Да уж, оказаться в объятиях к фанаток в наши планы не входило.

– Слушай, давай вот что сделаем, – начала я придумывать на ходу. – Они ведь нас не ожидают увидеть, правильно? Они считают, что ты в номере. Следовательно, если нагло пройти мимо, не привлекая к себе лишнего внимания, то есть шанс прорваться незамеченными, – предложила я.

Чтобы убедиться, что служебный вход открыт, я, оставив Зиля в машине, подошла к двери. Дверь оказалась открытой, рога у турникета были подняты и два уже знакомых мне охранника стояли в небольшом холле.

– Доброе утро! – я улыбнулась охранникам, предъявила карточку пропуска. – Я привезла артиста, он живет в вашей гостинице, ключ у него есть. Пропустите, а то его фанатки порвут.

– Если есть ключ от номера – пропустим, – приветливо ответил один из охранников. – Я вас помню, вы вчера здесь немцев проводили.

– Спасибо, этот тоже немец, поэтому мне его с главного входа не провести из-за фанаток, а теперь и здесь засада!

Я кинулась в машину за Зилем, отмечая краем глаза, что фанатки на меня не среагировали.

Зиль без боевого раскраса и с запровленными под бейсболку волосами не бросался в глаза, но учитывая, что мы сейчас были как на ладони, я решила изобразить доставщиков еды. Зилю сунула в руки пустую коробку из-под пиццы. Хвала мне, что не выбросила мусор у дома, решив не тратить время и избавиться где-нибудь по пути, вот пригодился. Сама взяла мусор в пакете с логотипом известной пиццерии.

– Пошли, доставщик пиццы – скомандовала я. – Главное не разглядывай фанаток. Тебе нужно просто отдать пиццу. Сыграй это!

Как не странно это сработало. Я шла впереди, и девчонки скользнули по мне взглядом как по пустому месту. Что там за мной делал Зиль, я не видела, но до двери мы дошли. Я открыла дверь, пропуская пицценосца вперед. Что сработало не на нас – не знаю. Но когда Зиль уже был внутри, девчонки заорали: «Куп!!!», и кинулись к дверям. Я быстро заскочила внутрь и попыталась захлопнуть дверь, но проклятый доводчик не дал мне это сделать, и самая быстрая фанатка, желая удержать дверь, схватила меня за волосы и потянула назад, вторая, видимо, пытаясь схватить за шиворот, прошлась ногтями по спине. Я заорала. Ко мне подскочили охранники, только вместе нам удалось закрыть дверь.

Из глаз слезы. Шмыгая, объяснила Зилю, что нужно предъявить для прохода ключ от номера. Зиль попытался меня успокоить. Я отмахнулась.

Нападение на меня, похоже, стало лучшим пропуском, и охранники нас пропустили без вопросов.

С мусором в руках мы добрались до нужного этажа. В лифте Зиль, продолжая одной рукой судорожно сжимать пустую коробку из-под пиццы, гладил меня свободной рукой по спине и плечам.

– Я говорил, что всё время с охраной. Без охраны мне нельзя. Я не смогу тебя от них защитить. Прости, прости, – он поцеловал меня в уголок глаза, уголок губ. – Мне нельзя. Они же мои фанатки. По контракту я должен себя сдерживать, должен быть вежливым с ними. И вообще с людьми... От хулиганов можно... Царапины сейчас Куп смажет, у него аптечка есть.

Я ничего не поняла из его лепета, но хотя бы он за меня боится и вроде как заботится.

Мы почти дошли до номера, но в этот момент открылось сразу несколько дверей и в коридоре оказались: Куп с Гюнтером и Ост с Боленом.

Как говорится картина «Не ждали», а мы – вот!

Куп среагировал мгновенно и правильно. Он обнял нас за шеи и втянул в номер, как будто мы так играем. Гюнтер запрыгнул следом, закрывая дверь.

К сожалению, Ост с Боленом успели понять, что мы шли не из соседнего номера и даже не из холла гостиницы.

Зиль только и успел сказать Купу, чтобы он смазал мои раны. Это прозвучало как РАНЫ. В принципе так и есть: раны, полученные при защите его величества.

Ост вбежал практически следом с воплем:

– Где вы были? В чем дело?

– Не в чем! – ответил Зиль и вышел из номера, очевидно выводя угрозу.

– Что случилось? Почему вы не позвонили? Я бы отвлек фанаток, – закидал вопросами Куп. – Ну, Зилью сейчас достанется по полной. Болен с Остом будут его драть за то, что высунулся без охраны.

– Мы приехали к служебному входу, а там фанатки. Нам удалось дойти до дверей незамеченными, но в последний момент в Зиле всё же узнали тебя. Мне пришлось отбиваться у дверей. Мы звонили, но ты вне зоны доступа, – ответила я сумбурно, меня все ещё потряхивало.

– Чёрт! Дай посмотрю!

Он с явным удовольствием подобрался к моей шее. Чтобы Купу было удобнее, я собрала волосы в пучок на макушке, придержала их руками. Он, поигрывая пирсингом в губе, внимательно принялся изучать царапины.

– Ого! Вот это я понимаю, тут об тебя какие-то звери обломали когти. А это что за следы?

Я посмотрела на отражение в зеркале. Куп показывал пальцем на черные синяки. Один был явно оставлен чьими-то зубами.

– Э-э-э, – промычала я.

– Фанатки пытались тебя загрызть? Подожди не отвечай. Дай угадаю, вы поругались с Зилем и он тебя покусал!

– Ну тебя! – неожиданно для себя я смутилась. – Мы слегка заигрались. У него тоже есть и синяки, и царапины.

– Слава богу! – воскликнул Куп. – Зиль тебя, э-э-э, не испугал?

– Что? – не поняла я. – Он должен был меня испугать? С нами много чего произошло, но, чтобы он...

Куп не дал мне закончить.

– Ausgezeichnet! Perfekt! Ausgezeichnet!¹⁷ – радостно воскликнул он. – Ты просто волшебница! Perfekt!

– Ку-уп, – удивленно протянула я, – что случилось? Что я такого сделала?

¹⁷ Отлично! Превосходно! Отлично!

– Ничего! Все хорошо. Я рад, что вы время даром не теряли. Я ведь правильно понял?

– Правильно, – ответила я и попыталась улыбнуться. Всё же мне его восторг был непонятен.

– А уверяла, что будете кататься на байке по городу, – произнёс он с притворной обидой в голосе.

– Мы покатались. Я показала ему мосты, памятники, дворцы. А потом начался дождь, мы промокли и поехали ко мне домой сушиться и греться. Ну, а какой самый лучший способ согреться? – лукаво улыбнулась. Я старалась держаться непринужденно, но все эти расспросы о проведенной ночи меня напрягали. – Ты жаждешь интимных подробностей? Считаешь, что это нормально? – резко бросила я.

– Ну... Так... – замялся он. – Я волновался.

– Ладно, Куп. Проехали.

– Давай смажу царапины, – он всё же вспомнил о просьбе Зиля смазать мои раны.

– Ты дверь закрыл, а то мало ли кто войдет.

– Эти двери на магнитном замке, их снаружи не открыть, только ключом, – усмехнулся

Куп.

Из соседнего номера доносились крики. Зиль и Ост орали друг на друга. И я не поручусь, что драли Зиля. Скорее уж он крыл продюсера, который остановился в долбанной гостинице, и охранников, которых почему-то не было на месте.

Я протянула Купу руку, и он стал смазывать царапину ватной палочкой, обмакивая её в бесцветную жидкость. Затем я повернулась к нему спиной и, оттянув воротник блузки, Куп стал смазывать царапины на шее. Вдруг замер. Потом спустил блузку с правого плеча и спросил.

– Что это??

– Где?

– У тебя серебряный дракончик на плече. – Он ласково провел пальцами от плеча по лопатке. – Дасмаль называется.

– Шутишь? – я посмотрела на него пытаюсь понять, что за прикол он опять придумал.

Дверь резко распахнулась, и в номер влетел пунцовый Зиль. Опять картина «Не ждали». Только теперь на ней я в полустянутой блузке, а рядом Куп, нежно глядящий меня по плечу. Возможно, против света еще могло что-нибудь померещиться.

Лицо Зиля превратилось в маску, покрывающуюся отблесками, в глазах заплясали костры. Он развернулся, выпуская дым из ноздрей, и выбежал из номера. У меня в голове мелькнуло: он, что в номере закурил? Куп кинулся за ним.

– Зиль, ты видел? Стой же ты!

Я скользнула в ванну, закрылась и после этого сняла блузку и посмотрела на правую лопатку.

На ней красовался маленький, сантиметров пять в длину дракончик. Туловище с хвостом напоминали морского конька, только хвостик оканчивался изящной стрелочкой и был изогнут к спине. Крылья дракончика были растопырены и напоминали крылья бабочки. Картинка смотрелась изящно. Из-за небольшого размера и освещения в ванной, трудно было сказать какого она цвета, но скорее всего серебряного. Я пощупала картинку. На ощупь как маленькие чешуйки.

Откуда это? Зиль наклеил, пока я спала? Да вроде он спал без задних ног. Куп это назвал «дасмаль». Включила память. Кажется, это можно перевести как метка. Хм, меня поместили?

Я поправила блузку, перевязала хвост и вышла в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.